

Сергей Григорьевич Иванов
Союз одиночек
Серия «Кентавр на распутье», книга 2

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124002
Союз одиночек: АСТ; 2003
ISBN 5-17-007917-6

Аннотация

Вторжение «чужих» на нашу планету, ранее казавшееся просто глупой выдумкой, вот-вот станет реальностью. И оказать достойное сопротивление этим захватчикам способны лишь люди, обладающие паранормальными способностями.

Их очень мало. Они не доверяют друг другу. Они живут в разных городах, на разных континентах.

Но им придется объединиться перед лицом опасности. Потому что иначе погибнет Земля...

Вы читали захватывающий боевик Сергея Иванова «Кентавр на распутье»?

Тогда читайте его продолжение – «Союз одиночек»!

Содержание

Часть I	4
Глава 1. Круг знакомых	4
Глава 2. Дела торговые	14
Глава 3. Нечаянная встреча	22
Часть II	33
Глава 4. Моя крепость	33
Глава 5. Смотрины	43
Глава 6. Нескучная прогулка	52
Часть III	62
Глава 7. Тайна Пиковой Дамы	62
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Сергей Иванов

Союз одиночек

Часть I

Глава 1. Круг знакомых

– Ты не выполнил мой заказ, – сказал Аскольд, глядя в окно. – Почти ни по одному пункту. Вдобавок, по твоей милости я лишился жены, а лучший мой боец едва не погиб. За что же тебе платить, Род?

Руки он сцепил за спиной, словно бы инстинктивно не хотел подставлять незащищенную спину. И даже сейчас я ощущал его настрой – вот еще новая напасть. Раньше меня лишь тревожили чужие взгляды, затем я стал различать в них эмоции, из самых сильных, а ныне... Не хватало вправду заделаться телепатом! Мне и без того люди в тягость, и лучше не вглядываться в них слишком пристально. Эдак и вовсе окажусь закупоренным в своей берлоге, на прибрежной скале, отгородясь от мира новейшей страж-системой.

– Ты бы не маячил на виду, – негромко посоветовал я. – Думаешь, бронестекла сейчас спасают?

Мы обрелись в кабинете Аскольда, на верхнем этаже высотного здания, целиком принадлежащего ему же – точнее говоря, его Семье, самой могущественной в Приграничье. И был Аскольд первым бандитом здешних мест, хотя выглядел респектабельно... в отличие от меня. Но ведь я пока не бандит.

Выдержав пару секунд для сохранения лица, главарь вернулся к столу и снова расселся в своем кресле, теперь сложив руки на груди. Да что ж он так опасается меня?

– Я сделал, что в человеческих силах, – добавил я. – Может, и чуть больше. А что до жены... По-твоему, лучше бы она стала твоей вдовой?

Кольнув меня странным взглядом, Аскольд наконец расцепил защитный узел рук и, ухватясь широкой дланью за бутылку, долил вина в мой бокал, а свой наполнил наново. Затем извлек из полированного ящичка сигару и закурил – впервые на моей памяти.

– Ты бы лучше с девочками расслаблялся, – проворчал я. – Кстати, куда подевались твои двойняшки?

Округлив рот, он выпустил струю дыма – к счастью, в сторону – и подхлестнул:

– К делу, Род, к делу!.. Что имеешь сказать по существу?

Я пожал плечами. Что тут скажешь? Всю потребную информацию я уже выложил, а доказывать, что не верблюды, – занятие не для меня.

– По существу я лишь делаю, – изрек все-таки. – Если мои дела не устраивают, а мои рекомендации не в прок – что ж, я умываю руки. Но авансы не возвращаю, извини.

– Что, Шатун, решил и от меня отойти? – усмехнулся Аскольд. – Побоку старая дружба?

Я пожал плечами:

– Тебе решать, кто потеряет больше. Но «дружить» будем на моих условиях.

Задумчиво щурясь, главарь приложился к бокалу. Раз, второй... третий. В сложном букете его эмоций возобладала то одна составляющая, то другая. Почему-то он был обижен на меня, хотя я вроде не давал повода. Но для крутаря обидчивость – непозволительная роскошь. Все же я нужен Аскольду.

Завороженно я следил за его внутренней борьбой. Господи, да не чудится ли мне это? Начались-таки глюки – давно пора.

– Ладно, – сказал он вдруг, – бог с ней, с оплатой.

– Это в каком же смысле?

– В смысле, договоримся – позже. Кстати, вчера нам завезли «шмелей». Ты ведь хотел разжиться такой леталкой? Конечно, стоит турбореактив меньше «Малютки»...

– Это оплата или аванс? – уточнил я. – В счет нашей будущей «дружбы».

– Над святым смеешься, – то ли укорил, то ли пошутил Аскольд. Пожалуй, больше все-таки укорил. Вообще он не лишен благих порывов, хотя посещают те главаря не часто.

– Просто знаю ей цену, – ответил я. – Давай уж «котлеты отдельно».

– Ну, давай.

Отставив бокал, он размял ладонью лицо, будто пытался себя взбодрить. Тоже, видно, недосыпает – всё дела, заботы... опасения.

– С пожаром, будем считать, разобрались, – признал Аскольд нехотя. – К затопленному судну мы тоже успели сплавить – картинка вполне стыкуется с твоей версией. Грабарь, похоже, ни при чем здесь.

– Ну, славу богу!

– И Калиду я недооценил. Если б он успел развернуться...

Тут снова проступило то, что он надежно, как ему казалось, скрывал за своей маской, – страх. Сколько главарь ни насупливал лицо и ни сверкал серыми глазами, это не убеждало – во всяком случае, меня. Все-таки Аскольда испугали мои натурные съемки, и ей-богу, я его не виню в этом, даже разделяю. Но вот отворачиваться зачем? Будто угроза пройдет сама, если ее не видеть. Уж эти мне страусы!..

– Значит, кое-что все же сделано? – вставил я. – Это к вопросу «за что платить».

– Но общая картина остается туманной...

– Не слишком ли многого ждешь от меня?

– Кроме того, ты не разобрался с домом на набережной.

– Зато дал насчет него хороший совет, – напомнил я. – Оставь этих ребят в покое, Аскольд, – они не по твоим зубам.

Не говоря о том, что при наезде на них я приму вовсе не сторону бандитов. Хотя Аскольда знаю много лет, а с теми не знаком вовсе. Такой вот парадокс.

– И не говори, что не предупреждал, – решил добавить. – Мы для них вроде оводов: укусить-то, наверно, сможем – прежде, чем самих раздавит в блин.

Опрокинув в себя остатки очередной порции, он спросил:

– Но чем они занимаются?

– Похоже, благотворительностью. Сиротки, инвалиды, забытые старушки, прозябающие гении...

Хотя откуда взяться гениям в нашей тьмутаракани?

– А на какие шиши? – спросил Аскольд. – Они что наследство урвали, клад надыбали? Тоже, блин, графья Монте-Кристо – видали мы!..

Когда он выпивал или злобствовал (или второе усугублялось первым), весь его лоск слетал в момент. И тогда делалось видно, какой это тонкий слой и что за суть кроется в глубине.

– С каких пор ты стал считать чужие деньги?

– С тех самых, как мне стали наступать на горло!

– Но ведь не они?

– Откуда знать – может, и они. Ты ж ничего толком не говоришь. То ли тебе запудрили мозги, то ли ты... пудришь.

– Ну-ну, не заступай, – предупредил я.

В отличие от Аскольда, приходившего в ярость, когда посягали на его прибыль, я терял выдержку, если сомневались в моей честности. У каждого свои большие мозоли. Хотя, если вдуматься, какое мне дело до мнения бандитов? Странное создание – человек.

– А что еще они делают? – поинтересовался главарь.

– Привечают молодых девиц, – осклабясь, ответил я. – Неприкаянных или надломленных. Эдаких Асолек, поджидающих принцев. А некоторые уже дождались – на белых броневиках, в цветистых доспехах. Больше не хотят.

– Ну? – подстегнул Аскольд. – И что?

– Потом они исчезают.

– Вот, это ж зацепка! – обрадовался главарь. – Наверно, их сбывают муселам – отсюда навар. Наложницы нынче в цене!

– Хочешь контролировать и эти поставки? – осведомился я. – Ну да, когда доходы падают, почему не поправить дела работорговлей? Бизнес есть бизнес.

– Ты что разбушевался, Фантомас? – удивился он. – Речь же не обо мне.

– Не буду говорить о своих ощущениях – ты все равно в это не веришь. Но кто, по-твоему, станет навариваться на продаже людей, чтобы затем всё раздать?

– Во-первых, не людей, а девок, – ухмыльнулся Аскольд. – Те и сами не прочь продать, лишь бы не задешево. Во-вторых, не всё – кое-чего и себе оставляют.

– Да хоть и часть!.. Вот ты – много раздаешь? Тебе ж в голову такое не придет, для тебя альтруизм сродни глупости. Разные психотипы, понимаешь?

Нахмурив брови, главарь задумался. («Тихо, Чапай думать будет!») Он-то считал, будто разбирается в людях. Но такое было за гранью его понимания – слишком уж далеко.

– Слышал: у Грабаря третьего сына кончили? – вдруг спросил Аскольд. – Подорвали с домом и всей семьей, не считая прислуги. Жаль, хороший особнячок был, даже я заглядывался. И помещен красиво – на самом обрыве. Так и ухнул в море, вместе с куском берега.

– Давно?

– С пару часов назад, перед рассветом. Теперь забота: доставать тела из-под воды и камней!.. Может, предложить в помощь «Малютку», как думаешь?

Понятно, главарь спрашивал не всерьез, но я ответил:

– Лучше не высывайся, даже с соболезнаваниями. Мне и то странно, как быстро ты узнал об этом.

Хотя Аскольд-то не станет взрывать дом с женщинами и детьми... я надеюсь. И к имуществу он относится трепетно, старается не портить без крайней нужды. Но люди меняются и очень редко – в лучшую сторону.

– А у меня дружка порешили – Кадия, – сообщил Аскольд вторую новость. – Повесили на чердаке брошенного дома, точно kota. – Он скрипнул зубами. – Ведь с самого начала вместе, столько пережили!.. И что его занесло туда?

Вот отчего главарь так взвинчен сегодня!.. Кадия я помнил – не семи пядей, зато преданный. И драчун из лучших в Семье. Аскольд приберегал его для особых дел, требующих умелости и скрытности. Эдакий особист... был.

– Может, как раз котов вешал? – выдвинул версию.

– Ты что?

– М-да, этим он, верно, увлекался в нежном возрасте... А может, он сам? В смысле, повесился.

Чуть не ляпнул: повисился.

– Кто, Кадий? Ты плохо его знал!

Ну, не так и плохо. Покойник был субъектом задиристым и скандальным, что непозволительно в нынешнее время, когда вокруг столько ранимых душ, оснащенных мускулами и оружием. К слову, и у меня не раз чесались на него кулаки – а ведь кто-то мог зайти дальше.

– А он, случаем, не к Грабарю подбирался?

Аскольд бросил на меня испытующий взгляд, добавляя пищи моим подозрениям. Может, война уже началась, а я все усердствую, строю из себя миротворца?

– Похоже, вас опять стравливают, – сказал я. – Скачете под чужую дуду, будто заводные. Даже напрягаться не надо: всё у вас предсказуемо.

Как ни странно, огрызаться главарь не стал, лишь спросил:

– И чья дуда, по-твоему?

– Тебя утешит, что вашей пляске аккомпанирует сам губернатор?

– У Алмазина ума не хватает нас разыграть!

– Зато он знает вас, как себя, – возразил я. – Потому что сам такой же.

– И спецов у него таких нет, чтобы наших обставить.

– То – раньше. Я ж говорю: всё поменялось.

– Так быстро?

– Это-то и пугает. Сейчас Клоп сталкивает вас лбами, поскольку не уверен в своем перевесе, – а вскоре придушит, точно котят. Или поймает тебя лично, пристегнув вашу Семью к своему воинству.

– Ты чего мелешь, а? Что за чушь!..

– Вас лупят по болевым точкам – еще не понял? Притерпись к боли, Аскольд, полюби ее.

– И что тогда?

– Сделаешься мазохистом, – хмыкнул я. – Вот тогда тебя возьмут теплым, с дымящейся от сладострастия кровью. И нахлебаются ею от души.

– Тьфу на тебя!

Впрочем, моя провокация возымела действие: главарь задумался. Быть пешкой в чужой игре ему не хотелось.

– Не продешеви, родной, – еще уколол я. – Может, сейчас выгодней отдаться? Первый раз, что ли?

– Да, я не святой, – с вызовом признал Аскольд. – Но ведь и ты не ангел?

– Разница в том, что я узнаю ангела, когда встречу. А ты примешь его за мошенника или переодетого беса. Кстати, о «бесах»...

– Ну?

– Хочу показать кое-что, – объявил я. – Свой недавний трофей. Можешь позвать на демонстрацию Конрада. Очень, знаешь ли, расширяет кругозор, а мыслям дает новое направление.

С подозрением оглядев меня, главарь распорядился, и через минуту в кабинет вступил начальник Семейной гвардии – кряжистый, налитой, отлично экипированный. Почтительно кивнул Аскольду, сдержанно поздоровался со мной, излучая если не симпатию, то одобрение. С ним-то мы ладили лучше, поскольку наши отношения не выходили за деловые рамки.

– Ну, пошли, – сказал я, поднимаясь.

Вывел их на крохотную лоджию с высокими, по грудь, перилами – точнее даже стеной, сложенной из силикатного кирпича. С этой стороны не маячило вышек, а Аскольд выбирался сюда редко, так что вряд ли его могли тут караулить.

– Ну, что здесь не на месте? – спросил я, облокотясь на перила. – Ничто вам не заслоняет обзор?

Крутари озадаченно промолчали. Но я уже присмотрел на крыше старого дома, возвышающегося над прочими покинутыми зданиями примерно в километре отсюда, кирпичную трубу добротной и прочной кладки. Запустив ладонь под мышку, извлек добытое в бою оружие, к которому приспособил вчера оптический прицел. Выглядела пушечка несерьезно, хотя в изящных обводах угадывалась угроза. Но чтобы шмалить из нее по крупным мишеням?..

Быстро прицелился, я выстрелил, даже не ощутив отдачи. Сейчас, при ярком свете, разряд мало походил на молнию – лишь прошелестела по воздуху призрачная полоса, за один миг достигнув трубы. А в следующий та разлетелась на сотни кусков, забросав осколками крышу. Секунды спустя до нас донесся взрыв.

– Думали, на вас управы нет? – спросил я. – Кажется, с объяснением пожара мы поспешили. И ваш кораблик могло потопить вовсе не чудище. Во всяком случае, версии теперь две.

– Откуда это у тебя? – угрюмо спросил Аскольд.

– Да одарил один гостюшка, – ответил я, ухмыляясь. – После того, как ему разнесли череп. И уж этого умельца заслали не с набережной.

– Поддержаться-то дашь?

– Не-а. Зачем искушать ближних? По себе знаю, как трудно возвращать хорошую вещь.

– А может, ты подстроил все? Загодя заложил мину, а сейчас лишь включил взрыватель.

– Не финти – это ж легко проверить. Хочешь, потоплю любой из твоих кораблей?

– Лучше бы из чужих, – отказался главарь, глядя на пушечку с вождением. – И что, бьет на любую дистанцию?

– Ну, по спутникам я еще не пулял...

– Но принцип работы рассек?

– Вот с этим – полная лажа. Есть тут батарейка, довольно хилая. – Я продемонстрировал ее, вытряхнув из рукояти. – И если соотнести с мощностью самого разряда... ну, вы видели. Любую броню прошивает на раз.

Действительно, это больше напоминало тумблер, открывающий путь энергетическому потоку. Но откуда он поступает... Хотя важен-то результат, верно? А уж его тут в избытке.

Конрад озабоченно хмурился, прикидывая, какие коррективы придется вносить в оборону. Да уж, ему прибавится хлопот!.. А Аскольду – страх.

– А больше здесь разбирать нечего, можно лишь разломать. И будет ли от сего толк?.. – Я пожал плечами, вставил батарею на место, оружие сунул обратно в кобуру. – Всё, представление закончено!

Вернувшись в кабинет, мы с Аскольдом расселись по прежним местам. А Конрад сразу убрался, торопясь заняться делами, – действительно, ценный кадр. Уж этого у главаря не отнять: умеет подбирать людей.

– Ну, как тебе демонстрация? – спросил я.

– Впечатляет, – признал Аскольд. – Молодец, умеешь подать товар. И сколько за него хочешь?

– Ты опять не понял, – со вздохом сказал я. – Я не для торга сюда пришел. И подряжаться на новую работу не собираюсь. Ни к тебе, ни к кому другому. Сейчас не до накопленных – успеть бы потратить, что уже есть.

– Что, Шатун, и ты заделался прорицателем? Нынче их развелось столько!.. Причем часто угадывают, как ни странно.

– Это и плохо.

– Почему?

– Потому что люди сделались предсказуемыми. Над нами опять тяготеет Рок, как это, говорят, было в древности.

– А ты, стало быть, предсказатель...

– Бери выше – пророк. Хотя и в своем отечестве. Или больше не веришь в мою интуицию?

– Ну... предрекай.

– Думаешь, с гибелью Калиды кончились и проблемы? Боюсь, это было разминкой. А вот теперь за нас примутся всерьез.

– Кто? – спросил Аскольд. – Те парни – с набережной?

Откинувшись в кресле, он упирался взглядом в мою переносицу, демонстрируя положенную главарю твердость, – хотя пальцы отстукивали на столешнице дробь. Да я и без того чувствовал его беспокойство.

– Там нет угрозы, – уверенно сказал я. – Пока будешь вести себя по-людски, оттуда не наедут.

– А где есть?

– Если б я знал!..

Точнее, если бы я мог обосновать свои подозрения. Ведь здешние твердолобы принимают без доказательств лишь то, что видят сами.

– Бояться следует тех, кто имеет Власть, – все же сказал я. – Кто могут приказать тебе, и ты пойдешь за ними, как на привязи.

– Ну, Род!.. Опять впадаешь?

– Я-то – ладно. А вот когда впадешь ты, будет поздно.

– Это еще почему?

– Потому что тебе не совладать со своим Зверем.

Аскольд поглядел на меня, как на блаженного, – заикнулся, мол, на своей идее. А ведь каким полезным братком мог бы стать!.. Лучшим из его самураев.

Знал бы он, какая теперь цена этим «лучшим».

– Ладно, – сказал главарь, – вернемся к твоей пушке.

– Если эти штуковины производят в губернии, а не завозят...

– Ну?

– ...то работали явно не кустари.

– Намекаешь на Компанию?

– В первую очередь. То есть я даже не представляю, где еще можно организовать производство, чтоб это не бросалось в глаза. А когда штампуют тачки, да еще в таких масштабах!.. Неслабое прикрытие, верно?

– Для прикрытия даже слишком, – с сомнением произнес Аскольд. – Да у меня половина братков разъезжает на местных броневиках!

– Сэкономил, да?

– И дешевле, само собой. Но главное, качество – на удивление. Будто не лагерники клепали.

Вот и еще странность, отметил я. Откуда у коммунаров такая умелость?

Но вслух заметил:

– Ну, они лишь собирают. Набор «Сделай сам».

– Так я ж и говорю о сборке. Детали-то, понятно... Хотя тоже ведь надо расстараться, чтоб поставляли не мусор? А тут – трехслойная броня, двигатели с реактивом, полная электронная начинка...

– Тоже отечественная?

– Ну.

– Патриот!.. «Месс-Менд» не читал?

– Это при чем?

– А то, что сделают тебе – потом не расхлебаешь.

– И что еще скажешь хорошего? – полюбопытствовал Аскольд.

За мной не заржавело:

– Скоро наша броня утратит смысл – когда наклепают бластеров. Уж не знаю, где здешние чинуши добыли документацию, – ясно, не сами придумали. И заказчиков у них будет, как собак... Не говоря о том, что первыми вооружатся сами и тогда наведут в губернии порядок.

– Но если это придумали другие, они же обставят Компанию? Или, по крайней мере, не отстанут.

– Представь, что бластеры сконструировали американцы. Или японцы. Это оружие ближнего боя, на мировой баланс оно не повлияет. А вот при внутренних разборках... Не станут же по своей губернии долбать ядерными зарядами!

– Ты уверен?

– Во всяком случае, шансов мало. И если Клоп вооружится бластерами, то любой десант расщелкает за минуты. А уж Семьи ему на один чих!

– Если мы не добудем их раньше.

Кажется, Аскольд уже замыслил налет. Что ж, это напрашивается.

– У Компании надежная охрана, – заметил я. – Отлично вооруженная и неподконтрольная никому, кроме Крокина, главного сторожевика. В одиночку ее не одолеть, даже с поправкой на внезапность.

– Предлагаешь скооперироваться с кем-нибудь? – насторожился он. – Уж не с Грабарем ли?

– Да на здоровье! – пожал я плечами. – Мне-то что? Гуляйте и дальше гордыми... пока вас не прищучат Валуев с Луценко, науськиваемые Клопом.

– Ладно-ладно, – проворчал Аскольд. – А сам чего собираешься делать?

– Был у рыцарей хороший девиз: «Делай, что должен, и будь что будет».

– Главное, думать не надо, – съязвил он. – Как говаривал один умник, принципы нужны тем, у кого проблемы с моралью.

О! Уже и меня цитируют. Но когда о морали вдруг вспоминает бандит...

– Конечно, ты сильный парень, – сказал главарь на прощанье. – Но легкий. Как тот ежик на пеньке. Так что не зарывайся, ладно?

– Это всё, что тебя заботит? – спросил я. – Счастливцев!

От бандитского гнезда я двинулся к торгошам, тоже обитавшим отдельно от остальных. За пару сотен метров до их слободы дорожное покрытие заметно разгладилось и фасады домов стали нарядней, оштукатуренные наново. А ближние улицы были загромождены машинами, оставлявшими для проезда узкую тропку. Приткнув свой «болид» к тротуару, я отправился бродить по торговым рядам, оккупировавшим в слободе все первые этажи. Магазины, ларьки, лотки стояли сплошняком, кое-где даже перекрывая друг друга.

Вот тут жизнь бурлила. Покупатели стекались сюда со всей губернии, увлекаемые сказочным обилием товара и низкими ценами. Некоторые даже прикатывали на автобусах, забивая их барахлом, чтоб продавать затем у себя. По улицам бродили «бутерброды», с обеих сторон упакованные в рекламу; у распахнутых входов резвились клоуны, привлекая публику. К такому еще не привыкли, а потому поглядывали с любопытством. Зато от выскакивавших, точно из засады, продавцов испуганно шарахались, а уж когда за покупку благодарили, терялись вовсе.

Тимофея я заметил издали. Рослый, широченный, бородатый, он крутился перед витринами универсама, вполголоса инструктируя лоточников и не забывая лыбиться прохожим, потенциальным своим клиентам. Мне тоже улыбнулся – сперва по инерции. Затем узнал и расплылся еще шире.

– Какие люди! – пророкотал он, раскидывая лапища. – Явление Шатуна народу. Не часто, но случается.

– Зато ты мелькаешь за пятерых, – отбрыкнулся я. – Еще не кончился завод?

– Раньше меня похоронят, – заверил Тимофей, будто и на кладбище собирался хлопотать да зазывать покупателей. И вскинул палец: – О как!

Я хотел было развить тему, но тут мое внимание привлекла чудна я сценка. На другой стороне улицы, в тесном магазинчике, двое бесстрастных типов обыскивали полицейского. Третий, облокотясь на узкий прилавок, строчил что-то – видно, составлял протокол. Немедленно я нацелил на витрину «слухач» и будто проникнул сквозь стекло.

– Ну мужики, – скулил злосчастный коп, глядя в пол, – ну че вы? Будьте ж людьми! У меня... это... семья, дети. Отпустите, а?

Кажется, он даже готов был пролить слезу. По крайней мере очень старался, громко шмыгая носом, а увесистым кулаком тер глаза. Хотя на бедствующего не походил: раскормленный, мордатый, на шее поблескивает золотая цепь. Сколько раз я видел таких же, лениво фланирующих вдоль прилавков, провожаемых угрюмыми взглядами торгашей. И не поймешь сразу, бандиты это или законники, – тем более, те и другие часто обряжаются в камуфляж.

– Уже не первого подлавливают, – удовлетворенно заметил Трофим. – Черт знает, может, и наведут порядок!..

– Не по чину брал? – фыркнул я. – Коп должен одариваться сверху, а не хапать сам. Так это ж не значит, что станут меньше грабить. Кстати, что за типы его шмонают?

– Из внутренней полиции, сказывают. Напрямую подчинены Валугеву.

– И что, их еще не пробовали купить?

Торгаш усмехнулся:

– Как не пробовать!.. Пока без толку, насколько знаю.

– Такие дорогие, что не продаются?

– Да вроде не скупилась.

– Н-да, – сказал я. – «В Багдаде все спокойно». Как перед бурей.

Наглядевшись на представление, мы с Трофимом нырнули в универмаг, пронизав завесу прохладного воздуха, и побрели вдоль стоек, обсуждая ассортимент. Народу хватало – многие и заскакивали сюда, чтоб отдохнуть от жары, а без покупки уходили редко. Как всегда, бородач интересовался у меня новинками, которые не добрались еще в наше захолустье. В отличие от Аскольда, он не искал легкой наживы, но в торговле важно опередить прочих – хоть на чуть.

Из его товаров меня насмешил «Коба», средство от тараканов.

– А средство против Коб не знаешь? – спросил я. – Похоже, это случай, когда лекарство горше болезни.

– Средств-то хватает, – ответил Тимофей. – Спроса нет. Вот «Кобу» разбирают за милую душу.

– А тебе лишь бы заработать!..

– Money-money, – уважительно произнес он. – Нынче за все приходится платить. Знаешь, сколько стоит кило железа? Пару-тройку мэнчиков.

– Получается, по твоей лавке разбросаны двадцатки да полусотни, – заметил я, кивая на стенд с гантелями. – Чего ж не запираешь в сейф?

– Ты вот зубы скалишь, а давеча один пытался вынести за пазухой пудовый блин.

– Ого!.. Наверно, не хилак?

– Так ведь и я не слаб!

– Отделал его, да? Все ж ты куркуль.

– Конечно, не «милосердный самарянин», – спокойно признал Тимофей. – Зато не халавщик, как многие. Чужого мне не надо, но и свое за так не отдам.

– Жадный, да?

– Жадный – кто разевает рот на чужое. А я уж тогда скупой.

– Тоже ведь не достоинство?

– Я тот, кто есть. И не строю из себя благодетеля, лишь бы обирать ближних. По нынешним временам и честность – много.

– Похоже, достали тебя ворюги, – заметил я.

– Да уж, – вздохнул он. – Я чаял, тут мы достигли предела, отмеренного людям, – ан нет. Понятно, когда прут с голодухи, – но ныне-то откуда взбрык?

– Значит, недооценил ты человеческую природу. «Нам нет преград».

– Нас губят две вещи, – объявил Трофим. – Зависть да лень.

– И глупость, – прибавил я.

– Это-то ладно, – не согласился он. – Мы не дурее прочих, токмо думать ленимся. И делать тож – покуда нас раскачаешь!.. А ежели кто умыслит да предпримет чего, тут ему и сделают укорот, чтоб не рыпался.

– Так ведь ты лишь и озабочен, как вынудить ближних раскошелиться, по возможности не прибегая к грабежу. Все эти твои подарки, полуоплачиваемые покупки, «счастливые» часы, «карточки покупателя»... Не стыдно играть на слабостях нации?

– Не я это придумал, – возразил Трофим. – И не отсюда это пошло, если разобраться. Хотя у нас такие приманки работают лучше, – добавил он, подумав. – Кто здесь не любит лотерей!..

– Ну, я не люблю.

– А это оттого, верно, что ни разу не выиграл.

Тут он угадал: сколько ни навязывали билетов, ни одного серьезного попадания – уж такая судьба. Так что не мне выступать с разоблачениями.

– Вот что мне нравится, – сказал я, снимая с крючьев двуствольный убойник. – Российская ведь работа – а какая игрушка!

– Что хорошо, то хорошо, – согласился Трофим. – Но торговать этим, – он подергал за рукав моего маскировочного пиджака, – уволь. Ни один патриот, сколько бы ни надрывался на митингах, не станет покупать себе в ущерб.

– Зато вполне может разгромить твой маркет.

– Дык было б желание – повод найдется.

С сожалением я повесил убойник на место. Черт знает, не люблю ж охоты, тем более на людей, – но к оружию питаю слабость. Атавизм, видимо.

– А как складываются отношения с Двором? – поинтересовался я. – Про бандитов не спрашиваю.

У Тимофея сразу убавилось благодушие – в широком лице, в интонациях.

– Эти обалдуи не угомонятся, покуда не пустят всех по миру, – ответил он. – Их будто не волнует, что станет завтра.

– «Завтра была война», – сказал я. – Или общее благоденствие, как нам обещают. В любом случае, далеко загадывать не стоит.

В общем гомоне, наполняющем магазин, выделились голоса, донесшиеся от одной из касс. Повернув кудлатую голову, Тимофей взгляделся в кассиршу и помрачнел пуще.

– Отрыжка социализма, – выругался он. – Послал же Бог родственницу. Впрямую не дерзит, но тон, ужимки!.. Ну как научить ее любить покупателя?

– Уволить, – предложил я. – К чертовой матери!.. Пусть помыкается по помойкам – через пару месяцев станет шелковая. Правда, ненадолго.

– То-то и оно, – вздохнул Трофим и вскинул руку, жестом направляя заведующего уладить недоразумение. – Но эта хотя бы не ворует, а сколько горазды тащить даже у родича!.. Порчу на нас навели, что ли?

Затем, пока его снова не затянул водоворот дел, провел меня в кабинет, и там мы скорее всего, больше не отвлекаясь на ерунду, обговорили то, про что другим слышать не следует. Помимо прочего я урегулировал вопрос о Клер, давней своей знакомой, просившей похлопотать за нее перед правлением гильдии. Как и ожидал, тут сложностей не возникло. Зато по второй проблеме образовалась дискуссия.

– Я все понимаю, – говорил торгаш. – Без надежной охраны никак. Но ты ж зовешь набирать не сторожей – войско. Кусается, а?

– Это Приграничье, Трофим. Тут ведь такой котел!.. И сам заваривает круто, и стекаются сюда в большинстве те, кто хлебнул горячего.

– Ясное дело, молодцы рискованные. В прежнем-то болоте им было душно, хочется простора. Так разве это плохо? Оботрут, обтешутся малость, войдут в разум...

– Ты повидал таких, – сказал я. – И много среди них нормальных? Я не берусь судить – наверно, иначе они не выжили бы, а потому приходилось спускать Зверей. Но теперь те распробовали кровь, и удержать их на привязи стало трудно. Эти парни уязвимы для любой сторонней силы, что горазда погонять зверье, – для Всадников. Надо вывести их из-под удара... и заодно обезопасить себя. Если пожмотничаеете сейчас, чуть погода парней натравят на вас и тогда отберут всё. Подгребайте их под себя, пока не поздно. А то ведь покатаются под уклон – чем дальше, тем быстрее. И тогда бедняг остановит разве пуля. Серебряная.

– Пугаешь, а? – со вздохом спросил Трофим, отлично сознавая, что это не так. – Звери какие-то, Всадники... – Он снова вздохнул. – Чего еще посоветуешь?

– Эти Всадники, кто б они ни были, нуждаются не только в слугах. Им нужна пища – много. А кормятся Всадники знаешь чем?

– Кровью, да? – уныло предположил торгаш.

– Не всякой. Людей они разделяют на сорта. Покорных и пассивных трогают редко, а вот живчиков вроде тебя, с шилом в заднице... Остерегись, ладно? Особенно по ночам.

– Да я-то чего...

– Да ты-то мужик ушлый, за себя сам ответишь, – согласился я. – Беда, что и невинные души у Всадников нарасхват.

– На деток, что ль, намекаешь?

– Услал бы их подальше, Трофим, – до лучших времен. Если наступят, конечно.

– Послушаешь тебя, Родя, – будто меда наешься! – посетовал тот.

– А ты песняров покличь, – хмыкнул я. – Или цыган. Заодно и спляшут – в отличие от нас, «черных вестников». Специализация, понимаешь.

Глава 2. Дела торговые

Только за гостем захлопнулась дверь, как Трофим вернулся к работе. Своих забот полон рот – где о чужих печься!.. Сперва он оглядел торговый зал, насквозь просматриваемый с шести «глазков». И снова, который уж раз, смог наблюдать, как одна покупательница, вовсе не похожая на нищенку, что-то запикивает под обширную грудь, укрывшись за стойкой. Такое случалось тут едва не каждые четверть часа, а на выходе воришек неизменно прихватывала охрана. Но они не унимались, даже не смущались особо, а на следующий день нередко попадались вновь. Ни стыда у людей, ни совести. Ведь самому мерзко хватать воров за руку, а они, разлучаясь с чужим, негодуют, будто грабят как раз их. Среди таких всякие обретались: от любителей щекотать нервы до больных, – но большинство просто хотят пожитья, урвав у ближнего. А дай им волю, тут Родя прав, и вовсе устроят раскулачку. «Я пришел дать вам волю», хм... Не приведи Господь!

Повздыхав, Трофим машинально тронул себя за живот, еще недавно выступавший вперед барабаном, и опять обмер, когда ладони провалились на добрый десяток сантиметров за привычную границу. Нашлась-таки и для него подходящая метода – спасибо Родиону. А то стал уж походить на купчину из пролетарской фильмы, коего и грабануть не грех.

Обратив взор на пульт, торгаш не сразу сыскал нужную кнопку, ткнул в нее толстым пальцем. Модернизация – штука важная, спору нет. Родя и тут удружил, устроил по последнему слову. Но как трудно въезжать в это зрелому мужику!.. Хошь, не хошь – осваивать надо, не то растащат товары вместе с полками. А без верной связи и вовсе кранты.

На главном дисплее возник Демид, племяш и правая рука Трофима, – совсем еще почка, едва усы пробились, но купец от бога и хитрюга редкостный, хотя честный. Трофим глядел на картинку с радостным изумлением – столь она была яркой и выпуклой; даже хотелось потрогать. Эти цапки завезли с месяц назад, а он всё не мог наиграться.

– Чего, дядя? – поторопил Демид, не прекращая настукивать что-то на клавиатуре. Вечно он пытался успеть за троих.

– Ты вот что, Дёма, – помедлив, сказал Трофим. – Принимай команду, понял? Мне отлучиться надо.

– Что, сейчас? – вскинулся мальш. – Даешь!.. Презентация ж на носу.

– Сам и проведешь – чай, не впервой. Гостей ожидается в меру. А этих пустозвонов-сектантов, ежели сунутся, гони в шею. И нарядись солидней – все ж лицо фирмы!

– Ох, дядя, доиграешься, – пригрозил Демид. – Подсиджу я тебя.

– Это ты дошуткуешься, – гыкнул Трофим. – Мы ж люди дремучие, от сохи, – вдруг поверю?

Парень оскалился и сгинул с экрана. А торгаш уже вызывал к себе Карима, старшего охранника (или гарда, как нынче повадились именовать), – здоровенного, хмурого, по глаза заросшего смоляной бородой. Трофим доверял ему поболее, чем едва не всем своим родичам, сильно подпорченным социализмом. (Демид – счастливое исключение.) Карим был предан точно пес и надежен как скала – из лучших образцов горской породы. К тому ж куда лучше хозяина смыслил в технике, так что Родион, экономя время, чаще объяснялся с ним, когда подбрасывал очередную диковину.

– Отбываем, – сказал Трофим. – Сам знаешь, куда.

Карим молча кивнул, сразу подобравшись, и первым двинулся к подземному гаражу, чувствуя хозяина словно бы спиной и на ходу разбрасывая команды гардам. Тех было на фирме немного, зато отборные, проверенные сперва Каримом, затем и самим Трофимом.

Машинка поджидала их – приземистая, обшарпанная, по виду сущее барахло, но с дюжим мотором, броневой оболочкой, отменным бортокомпом и многоствольными пуле-

метами, упрятыми в корпус. (Эдакий хищный жучище, маскированный под божью коровку.) Время от времени ее перекрашивали, чтоб не примелькалась, даже меняли бамперы и колеса. А вот водилой у Трофима всегда оставался Карим – это без вариантов.

Сели оба на переднее сиденье. (Собственно, на заднее пришлось бы втискиваться – так, припасено на крайний случай.) Как всегда, управленческая панель нагнала на Трофима страх, он сразу уложил руки на колени, чтобы не задеть чего ненароком. Зато Карим управлялся с этим, будто родился в окружении приборов. Он походил сейчас на пилота в новейшей кабине. Хотя видом оставался дик и грозен.

– Не надоело пугать народ? – проворчал Трофим. – Можно же вывести лишнюю поросль. Смотрелся бы как испанец, на худой край – мафиози заморский. Таких девки любят и клиент не шарахается. А то ведь абрек абреком!.. Будто вчера с гор спустился.

Как обычно, Карим на это промолчал, лишь усмехнулся краем рта. И чего артачитесь?

Поерзав, Трофим спросил, уже не впервой:

– Никто не всплыл из твоего рода?

Горец покачал головой.

– А хочешь – подрядим на это Родю. Уж он из-под земли нароет!

И сам же похмекал: «рода», «Родю» – прямо стихи. Надо ж, как окрестили парня!.. А у того ни родичей, ни семьи. И с родиной отношения сложные.

– Ты – мой род, – спокойно ответил Карим. – Еще Демид, Арина, дети твои. Мало? А кто под землей – пусть там и остается.

Путь оказался не длинным. В слободке-то все рядом – особливо, когда знаешь ее, как свою квартиру. Хотя скученность изрядная, на улицах не погоняешь. Иной раз со встречным еле-еле разъедешь – тут не до скоростей. Пора б расширять поселение, осваивать прилегающие кварталы... да боязно. И расходы, расходы – это ж опять границу крепить!

Дом, куда прибыл Трофим, был с виду невзрачен, как его машина. Но, как и она, внутри оказался роскошным. Комнаты, правда, по пальцам пересчитаешь, зато каждая – загляденье. И не похожа на другие.

Главную залу оформили в готике: стрельчатые своды и такие ж окна, стеклянные мозаикой, массивный и длинный стол с резными ножками, на стенах подсвечники, гобелены. За столом восседало трое – из первых здешних купчин. То есть в губернии сыскалась бы еще пара такого ж полету, но в городе с этими тягаться некому. Они и составляли Совет торговой гильдии – вернее, костяк его. Лишних приглашать не стоило. Ежели договорятся тут, остальные последуют.

Усевшись на свободное место, Трофим переглянулся с Каримом. Тот кивнул: дескать, порядок – секретность гарантирована. Ну, можно приступать.

– Вот что, други мои, – неспешно заговорил Трофим. – Собрал я вас...

– «... чтобы сообщить пренеприятное известие!» – выскочил Клим, точно черт из коробки. Он и походил на черта: тощий, прожаренный, весь из острых углов и морщин, седые волосья торчат клоками – где еще не повылезли. Клим считал себя шибко грамотным (в объеме средней школы) и старался, чтоб о том не забывали другие. Ведь не мальчик: за шестьдесят уже, – и охота выстебываться? Но чутье у Клина имелось, на этом и выезжал.

Укоризненно поглядев на него, Трофим спросил: «Всё?» – и после паузы продолжил:

– Кажись, срока на раздумья не дают нам. Решать надо нынче же – не то поспешать станет ни к чему. Не люблю считать чужие деньги, однако ведаю: наших средств хватит и на батальон, сплошь составленный из офицера. Требуется привлечь лучших наемов – покуда не перехватили. Спрос растет с каждым часом – соразмерно прибывает цена. Пожмотничаем сегодня, завтра потратим вдвое, а послезавтра лишимся всего.

Он поймал себя, что едва не в слово повторяет Рода. Ну, сие-то как раз не стыдно.

– Что, новые сведения? – спросил Казимир, едва не самый богатый здесь, а значит, и во всей губернии.

– Из источников, заслуживающих доверия! – хихикнул Клим.

– Вот теперь попал в точку, – подтвердил Трофим, глядя, правда, не на него. – Уж эти врать не станут.

– На добрый товар не жаль монет, – сказал Казимир. – Хотя даются они непросто. Вопрос в ином: куда пускать их в первую голову? Энергия нам тоже нужна. Ведь надоело побираться!

Казимир происходил из родовитых купцов и выглядел подходяще: громадного роста, массивный, основательный. Разнести его могло еще покруче, чем Тимофея, но и этот вовремя спохватился. Нынче не те времена, чтоб потрафлять обжорству. Конечно, бердышом-то махать вряд ли потребуются, как его предкам на большаке, но вертеться надо не меньше. Сальца оставалось на нем изрядно, но и мяса, точно на медведе. Пожалуй, не меньше, чем у Роди, хотя тому потребовалось на это годы труда, а Казимир таким уродился. Когда он говорил, гул наполнял даже самую большую комнату, – ему бы в дьяконы.

– Одно другому не помеха, – вступил Виктор. – Что, разве не потянем? И лучше б побыстрее – это верно!

Виктор (как раз так, на иноземный лад) был самым молодым тут, но вовсе не последним – обставил многих на крутых виражах. Одевался с иголочки, хотя перстни не жаловал – лишь печатка на безымянном пальце. Гляделся аристократом: осанистый, лощеный, – при том, что в роду не нашлось бы и купчишки завалящего. А бойцом слыл отменным. Собственно, тем и зарабатывал, пока не ушел в торгаши. По сию пору оставался азартным да задиристым, но зряшных мордобоев избегал – берег гнев для настоящих врагов.

– Мы ж под опекой Двора, или нет? – спросил Клинт. – Патрули-то по слободке так и шастают!..

– Сильно тебя блюстики оборонят! – фыркнул Виктор. – А козлиного молочка не желаете? Трофим прав: пора переходить на полную автономию. Знаете, сколько я отстегиваю Двору за энергию? А на охрану, которой нет? Как запустим станцию, вот что чинуши от меня получат! – и он продемонстрировал наманикюренный кукиш.

На его поддержку Трофим рассчитывал, хотя не слишком ей радовался. Уж очень тот был напорист, почти смыкаясь в этом с бандитскими Семьями. Но торговый кодекс читал, иначе вылетел бы из гильдии в момент. И соображал лучше седовласых, даром что опыта с гулькиным носом.

– Сколь смогут отхватить, столь и получают, – произнес Казимир. – Они ли, другие ли. Вокруг всякого отребья полно!.. От «шакалов» мы и сейчас отобьемся. Вот с Семьями как быть?

– Не хочешь подчиняться банде, должен сделаться не слабей, – заметил Виктор. – Кстати, это может оказаться дороже.

– Уж лучше наемам платить, чем быть данником, – вздохнул Трофим. – Бандюги мало с тебя три шкуры дерут, еще и почтения требуют!.. А за что?

– За силу, – ответил Виктор. – О чем и толкую.

– Вот им – почтение! – Казимир тоже вскинул здоровенную фигуру. – Что, мы не сможем на вражин ополчиться? Хуже пахарей разве?

– Ополчение – штука полезная, – сказал Трофим. – Токмо не достаточная. Вояки из нас... сами знаете. В каждом деле нужны спецы. Мы умеем зарабатывать, но и тратить надобно с умом. Если не вложим потребную долю в дружину, все наши хлопоты – коту под хвост. А войско нужно изрядное, чтоб смогли отбрыкаться от кого угодно, включая алмазинских аспидов.

– В цивилизованных странах как? – опять сунулся Клим. – Отстегиваешь властям, сколь положено, и о другом у тебя голова не болит. А ежели не по нраву что, всегда найдется, на кого нажать.

– То ж в цивилизованных! – с пренебрежением хмыкнул Виктор. – Где они и где мы?

– Как должно быть, и я ведаю, – проворчал Казимир. – Да не про нашу это честь. Вот палки в колеса – у нас умеют. Тут лишь дай слабину, столь ручонки в карман набьются – как вмещаются только? И мало, что хапают, – еще и велят. В каждую дырку затычки.

– Когда это было, чтоб власти указывали, как торгашам вести дела? – изумился Клим, пуча глаза. – Должен ведь Алмазин соображение иметь!..

– А когда этого не было? – спросил Виктор. – Ты, Клим, будто вчера родился. Этот урод диктует нам, что делать. Из своего гадюшника, понимаешь?

– Чему дивиться? – сказал Трофим. – Будто не знаете: у Клопа свои опричники, как у Ваньки Грозы, к тому ж отъявленные изуверы. Осталось их натравить. Говорю: вокруг зверье, как в лесу. Круговая оборона, только так!

– А может, нанять сразу Семью? – брякнул Клим. – Заключить с главарем договор, чин по чину...

– Он тебе, пожалуй, заключит! – хмыкнул Трофим. – Мало не покажется. Поспрашивай тех, кто уже под таким крылом.

Не сговариваясь, все поглядели на Виктора, пришедшего в торговлю как раз из таких защитников.

– Конечно, бандюги оттяпают, сколько смогут, – подтвердил он. – А разве вы не такие? И хорошо, если хватит ума не зарезать несущку!

– Договариваться можно в одном случае, – заключил Трофим. – Когда наша шкура делается им не по зубам. Вот тогда ихняя сила приплюсуется к нашей, а не станет давить. Тогда будет союз, а не паразитство. И потратим в итоге меньше.

– Присоединяюсь, – веско изрек Казимир. – Нужна дружина.

– А я уж высказался, – прибавил Виктор. – Куда яснее?

Теперь все глядели на Клима.

– Ну чего, чего? – занервничал он. – Чуть что – Клим!.. Я ж не против.

– Стало быть, единодушно, – поспешил застолбить Трофим. – Но есть еще вопрос: за какую грань нам не заходить?

– И тут Предел? – хмыкнул Виктор. – Куда ни ткнись!..

– Дело-то не шутейное. Ныне чем только не торгуют – вплоть до людей, цельных иль нарезанных.

– Ты про органы, что ли? – уточнил молодец. – Бизнес доходный – точно.

– Дохлый он, а не доходный. Раз скидываемся на общую гардию, надо условиться, кого и за что оборонять. В чужие дела я не лезу, но покрывать работорговлю не желаю. Это понятно?

– Ну, начинается! – рассмеялся Виктор. – Только не надо всё в кучу, да? Девки постав-лять или сирот пристраивать – это одно... И поставлять-то можно на Запад или в гаремы.

– А «пристраивать» – к детолюбам, – прибавил Трофим. – И на Западе наши девахи влезают по это самое... Хотя набирают вроде бы танцорок. Мало там борделей?

– А не фиг ушами хлопать, – отрезал Виктор с внезапной злостью. – Легкой жизни, вишь, захотелось! Вот и накачают этой веселухой во все дыры, пока из ноздрей не хлынет. За что боролись – как водится...

– Если у тебя к кому счет, Витек, – пророкотал Казимир, – при чем дела? Мстителей сейчас по улицам, аки псов голодных. И не только их, говорят.

– Ага, – произнес Трофим. – Ты тоже слышал?

– Чего такое? – вскинулся Клим. – Вы о чем?

– Да брехня это! – отмахнулся Виктор. – Мало о чем болтают!.. Тут же не клуб? Давайте о деле.

– О деле, – кивнул Трофим. – Сразу условимся, чего ждать друг от друга и до какого рубежа идем вместе. Хуже нет, когда после начинают вилять: мол, я не так понял тебя, да и сам разумел вовсе не то!.. Вот и хочу, чтоб усвоили твердо: никаких касаний с «живым товаром» – ни под каким видом. И не рассказывайте, кто из богатеев погибает без органов да сколько народу желает поделиться, чтоб выжить, – знаю, куда это ведет. И сколь пьяни хочет навариться на своих детках, тож ведаю. Если в своем союзе не поставим такому заслон, то и мне в нем не бывать, – это я могу обещать.

– Может, и оружием не торговать? – с ухмылкой спросил Виктор. – А как насчет наркоты?

– А тебе обязательно людей продавать, травить или убивать? – ответил Трофим, нахмурился. – Ведь для этого бандиты имеются – чего ж отбирать у них хлеб?

Тут в спор влетел Клим, кудахча, будто раззадоренный петух, затем и Казимир встрял, взрыкивая медведем, – и понеслась сеча! Хотя итог был более-менее предсказуем: на сей раз Трофим останется в меньшинстве. Понятно, невольничий рынок гильдия вряд ли учредит и от смертельной дури, верно, воздержится. А вот отравка поумеренней да стволы – дело иное. Если уж государства таким наваром не брезгают!..

Лаялись, впрочем, недолго, спустя короткое время вернувшись к самой больной из тем: безопасности.

– Послушайте, – сказал Клим, – может, отгородить слободу от прочих улук? А чего – возвести заборы промеж домов, наладить проходные...

– И каждого общупывать на входе? – Казимир гулко хмыкнул. – Да так мы половину клиентов потеряем!

– Вчерашним днем живешь, Климушка, – поддержал Виктор. – Давно придуманы более деликатные средства контроля.

– К слову, имеется на примете системка, – вступил Трофим. – Тоже Род рекомендовал. Каждый уголок будет под надзором, никто из вниманья не выскользнет! И всех шибко ушлых... Чтоб вы знали, любой разбойничек где-то да засветился, а полный иконостас мне обещали на днях забросить. Так что следить за ними будет нетрудно. И пресекать, буде потребуется.

– Тут новый товар предлагают, – вдруг повернул Казимир. – Выгодный. И даже весьма, по моему разумению.

Эка! – подивился Трофим. С виду-то слонище неразворотливый, однако ж опять обскакал всех. И где только выискивает партнеров?

– Что, – спросил, – опять отраву какую?

– Да по первому глазу подвоха не видать.

– Оружие?

– Не-а. Этот... как его... энергоноситель. Природный. А может, и живой – черт его разберет.

– Это что ж, – холодея, произнес Трофим, – потусторонники, что ль? С того света то есть?

– А хоть из Преисподней, – не стал оспаривать Казимир. – Ежели правда, о чем толкуют, мы сами озолотимся и всех людишек вокруг подкормим. Будет как в этом... в Брунее. Всё на халяву и каждый день баня!

– Да что за энергоноситель такой? – спросил Виктор, загораясь.

– Емкость якобы несусветная, схожая едва не с атомом.

– Ну, не заливай!

– Почем купил... А видом схож с маревом, желтым и густым аки кисель, – мне предъявили образчик. Так и кличут его: «туман».

– И что ж его, машинам в баки заливать? – съязвил Клим. – Далеко они укатят на твоём «тумане»!..

– Ты, Климушка, сперва бы думал, – ответил Казимир, – затем уж болтал. Да на том «тумане», сколько его в баке уместится, любой лимузин год проездит, а то и боле. Может, развалится раньше.

– Выходит, дело за мотором? – снова вступил Виктор. – У них уже есть готовый? И на каких условиях передадут know-how? Вот если наложить на него руку... да при монополии на носитель... Господи! И где тогда окажется этот Гейтс?

– Слушайте, братцы, – сказал Трофим, мучаясь от неловкости. – Мы что ж, договор будем с дьяволом заключать? На предмет общей выгоды.

– Во-первых, нигде не записано, что наш партнер – выходец с того света. Ну с чего ты взял, будто это посланник дьявола?

– Да слышал я... кое-что. И неспроста ж – такие дары!.. Боком же выйдет. Сами ведаете: легкие деньги не ведут к добру.

– Всяко бывает, Трофим, – прогудел Казимир. – А такой фарт случается в жизни единицы. Не упускать же?

– А что еще наплели тебе про «туман»? – спросил Клим.

– Транспортировать его надо в контейнерах, не шибко объемных. Я так понял, сгодятся обычные бензобаки.

– Ну, – усмехнулся Виктор. – У нас этих контейнеров по автосвалкам!..

– «Туман», ты сказывал, вроде живой, – опять вступил Трофим. – Наверно, и хищный. А ежели вырвется? Это ж погибель!

– А если бензобак грохнется? – отрезал Виктор. – Каждая стоящая вещь требует аккуратности. И опасностей кругом полно – приноровились же?

– То вещь, – пробормотал Трофим неуступчиво, – а то... А если оно, вдобавок, думает?

– Чем – своим туманом? Сказанул тоже!

– А чем оно живет? Где ты вообще видел живой газ?

– Ну, мало ли...

– Да уж мало не будет. Вот расползется «туман» по шарикку – с нашей-то подачи...

– Ох, ты изобразил – апокалипсис прямо! И что характерно: из пальца высосал. Далеко б мы ушли, если бы от каждой тени шарахались.

– Да уж в такое болото бы не забрели, я мыслю. Поспрашивай людей!..

– Еще голосование устроить, да? Вече скликать... Уж там наголосуют.

– С кем они схожи хоть? – спросил Клим. – А, Казимир?

– Кто?

– Ну, эти... пришельцы или выходцы... не разберешь с вами.

– Собственно, я видал лишь одного.

– Ну, неважно. Как выглядел-то?

Гигант пожал плечищами.

– Обыкновенно. Росточку среднего... пожалуй, чуток выше... сложен ладно, хотя не крепыш. Ликом благостен, речь плавная, говорит с почтением. Одет добротню, зато неброско. Что еще... Серой не пахнет, копыт тож не приметил. И чего это Трофим выдумал?

– Да ведь ты не очень и возражал, – откликнулся тот.

– Ну, говоря по правде, было в нем... эдакое. И сколько лет, не понять. А один раз я даже усомнился...

– Что? – подстегнул Виктор.

– ...мужик ли это.

– Нешто баба переодетая? – изумился Клим.
– Так ведь и с бабой не схож, – сказал Казимир без уверенности. – Ни то, стало быть, ни сё.

– Ангел! – Клим даже по колену себя хлопнул от восторга. – А Трофим все страшал: дьявол, дьявол...

– Ведь дьявол и произошел из них, из ангелов-то. Тож, небось, порхал по раю с нимбом да крылами. А потом то ли у него не заладилось с боженькой, то ли он на особом задании – кто ж отсюда-то поймет?

– Н-да, трактовачка, – заметил Виктор. – А что по сему поводу мыслит митрополит?

– Вот его лучше не мешать в наши дела, – сказал Казимир. – И потом...

– Чего? – насторожился Трофим.

– Да поступила цидуля: нечисто там.

– Это в Храме-то? – вскинулся Клим. – А не путают твои шпиёны?

– Всяко возможно. А все одно: лучше не мешать.

– Ладно, а что они просят взамен? – спросил Виктор. – Не души, нет?

– Хе, души! – хмыкнул Клим. – Откель они у торгашей?

– В подробности не вдавались, – ответил Казимир. – Я так мыслю: одному это предприятие не поднять – кумпаня требуется. Вот на следующей встрече и обговорим.

– Я – в доле, – сейчас же сказал Виктор.

– Поглядеть-то надо, – присоединился и Клим.

Все ж прав Родя, прав! – думал Трофим, теребя себя за бороду. Каждому – свой искус. Вот и нас нашли, чем уесть. Какой торгаш устоит тут? Это ж какой прорыв: на самый, что ни на есть, верх! И поплевывать на всех с вышины. О Господи, грехи наши тяжкие...

Остальные вопросы не заняли много времени, и спустя минуты торгаши уже рассажились по машинам, спеша по своим делам.

– Куда теперь, хозяин? – спросил Карим, когда они вырулили из гаража.

– Слышь-ка, парень, – рассердился Трофим. – Да сколько ж талдычить тебе: не зови меня хозяином!.. И где набрался этой пакости?

– А кто ты?

– Босс, – вспомнив Демида, предложил Трофим. – А чего?

– Это и есть «хозяин», – пожал плечами горец. – Только на английском.

– Ну, может быть. Зато звучит как-то... демократичней. Или шеф, да?

– Или Трофим Иванович?

– Или так, – согласился тот. – А прокатиться надо к трактиру. Там от Амира посыльный дожидается.

– Опять Рыжий, да?

– Вроде бы он.

– Не пущу, – решительно объявил Карим. – Не верю Рыжему, у него глаз худой.

– Это как же ты меня непустишь? – поинтересовался Трофим. – Хозяина-то!

– Увольняй, – сказал горец. – А пока все дела с муселами – через меня.

– Работничек, – проворчал торгаш. – Ладно, езжай в лечебницу – чего-то там строители морочат. Или тоже нельзя?

Карим молчал, глядя перед собой. Благотворительности он не одобрял.

– Ну, что насупился?

– Расходы, а? – сказал гард едва не с болью. – Какие средства уходят!

– Это наш долг Богу, – произнес Трофим твердо. – А долги надо платить. Не заплатишь – себе дороже выйдет.

– Добрый ты, хозяин...

– Я не добрый – расчетливый. Если без дележа не обойтись, лучше тратить на убогих и сирот, чем отдавать громилам с кистенем...

И тут затрезвонил видеофон. Вздрогнув, Трофим суетливо задвигал над ним ладонями – пока Карим, скосив взгляд, не нажал нужную клавишу. Тотчас на экран вскочила оживленная мордаха Демида. И откуда он: не с презентации ли?

– Конечно, мое дело – сторона, – заговорил малый, ехидно посмеиваясь, – но тебе, дядя, назначили свиданку.

– Где? – растерявшись, брякнул Трофим. – То есть... тьфу... кто?

– Некая известная в губернии дама... о коей ты, ясное дело, понятия не имеешь. Зовется Клер. Место встречи – отель «Астория», номер 38. Ух, какие там диваны!.. А время выбери сам.

– Ладно, – пробурчал торгаш, – разберемся.

– Ну, ты востер, дядя! – бросил Демид вроде даже с одобрением и отключился.

Трофим засопел озабоченно: и впрямь бог знает чего могут вообразить. Арина-то, понятно, разумница, а все равно – лучше не испытывать. Да и самому подальше бы от таких краль. Плоти-то накопилось вон сколь – разве сдюжишь с ней, если войдет в раж? А с Клер все должно проходить на виду да при большом стечении, иначе не поручусь.

– Вот что, Каримушка, – сказал он ласково. – Голубь наш сизоскулый... Вот ты и пойдешь на randevу, раз взялся меня заслонять. Уж там твоя статья придется к месту, и развеяться тебе не лишне. Ты должен больше вращаться! – прибавил Трофим фразу, озадачившую самого. Она-то откуда выскочила? Не из той ли книжицы, какую Арина читала младшенькому перед сном?

Глава 3. Нечаянная встреча

Вступив в трактир, Геральд притормозил на пороге и огляделся. Просторный, скудно освещенный зал оказался не полон, но и далеко не пуст – посетителей хватало, даже в такое время. Знакомых вроде не наблюдалось, и слава богу. Очень немногих из них Геральд хотел бы сейчас видеть. Хотя поболтать с кем-нибудь не отказался бы – была у него такая слабость.

Не спеша он зашагал между столиками, вглядываясь в публику. Как и ожидал, коллекция собралась занятая. Приграничье все ж таки, раздолье для авантюристов, мошенников, игроков – этакий современный Клондайк. Состояния делаются тут за считанные дни, но так же легко теряются, нередко вместе с жизнью. И кто только не стекается сюда, включая обнищавшую интеллигенцию. Кстати, вон, кажется, представительница!..

В углу, за небольшим столиком, прихлебывала чай молодая женщина, одетая не без элегантности и с золотистыми волосами, уложенными в изящную прическу. Рядом со стаканом лежали на блюде два ломтя батона, от третьего, густо помазанного даровой горчицей, она откусывала по чуть-чуть, будто от пирожного, и тщательно пережевывала. Бог знает, зачем дамочка явилась сюда: может, собой торговать. Странно, что ее не выставили. То ли не успели еще, то ли решили, будто она ждет кого-то... то ли сочли перспективной. Хотя не девочка – явно. Наверно, и замужем успела побывать.

Что ж, этой хотя бы повезло – на длинные ноги, стройную фигуру и тонкое лицо. Есть надежда продаться не дешево. А если очень подфартит, то и пристроиться к снисходительному удачливому мужчине. К Геральду, например.

– Вы позволите? – спросил он, трогая спинку стула.

Не поднимая глаз, женщина кивнула. Попробовала бы она отказать!.. Вообще здесь даже спрашивать вряд ли принято.

Опустившись на стул, Геральд покрутил головой, высматривая официанта (или кто они теперь: половые?), поманил пальцем. Тот подлетел, демонстрируя то ли усердие, то ли приличное знание людей, – молодой, прилизанный, слегка женственный, с приторной миной на ряхе.

– Две солянки, пару бифштексов, – распорядился Геральд. – И что-нибудь выпить – не слишком крепкое.

– «Каролайн»? – предложил парень.

Покосившись на соседку, Геральд кивнул. Конечно, ликер с солянкой... хм. Но кто сейчас обращает внимание на тонкости?

– Бокалов тоже два?

– Соображаешь.

Половой упорхнул. Геральд посмотрел на дамочку в упор и усмехнулся.

– Меня зовут Гарри, – сообщил он.

Сейчас многие корежат имена на иностранный лад, но ему с имечком удружили родители, еще при рождении. И вот поди ты, угодило в струю!

– Энни, – тихо сказала женщина и поправилась: – Анна Георгиевна. Но я не голодная, вы не думайте.

– Рассказывайте! Можно еще соврать, будто на диете. И которые уже сутки, хотелось бы знать? – Геральд ухмыльнулся: – Надо, надо себя заставить!..

Впрочем, долго ломаться она не стала – то ли поняла, как неубедительно это выглядит, то ли в самом деле очень хотела есть. И когда половой выставил перед ней дымящуюся солянку, тотчас принялась за дело, стараясь только не слишком спешить.

– Вы ведь не местная? – спросил Геральд, размешивая сметану в своей порции. Он не любил горячее и вообще редко потреблял супы – от случая к случаю, чаще за компанию.

Энни кивнула, не прерывая процесса. Действительно, сперва следует человека накормить, а уж затем приступать к расспросам. Но Геральд был любопытен – особенно, когда дело касалось женщин, пригожих и одиноких.

– А как с жильем: устроилось уже?

– Более или менее, – ответила она, все же прервавшись на секунду.

– Скорее менее, да?

Недолго подумав, Энни опять кивнула. По крайней мере, не пытается врать – хороший признак. Не столько честности, сколько ума. Темнить в подобных вещах и в такой момент!.. Возможно ведь, ей действительно повезло. Впрочем, время покажет.

– Я снял недурной номер в здешнем отеле, – произнес Геральд. – Со всеми наворотами, трехкомнатный. Одну могу предложить вам.

Он наконец хлебнул солянки и повел бровями: хм, недурно. Лучше, чем можно было ожидать в этой дыре.

– Я не предлагаю сожителство, – добавил Геральд, перехватив ее настороженный взгляд. – Хотя не исключаю и такой вариант. Но я не насильник и не торговец людьми. А покупать женщину за миску супа и мягкую койку – это, знаете ли, пошло.

– Тогда на что я вам? – спросила Энни, со вздохом откладывая ложку. Как ни сдерживала она себя, солянка закончилась быстрее, чем можно было желать. А добавлять не стоит: опасно.

– Немножко для представительства, – сказал Геральд. – Немножко для маскировки. Вам не претит небольшой обман? Наверно, придется выдавать себя за супружескую пару.

– Разве это не предполагает общую постель?

– Вовсе нет. – Он усмехнулся. – У вас устарелые представления на сей счет. Нынешняя элита давно перешла на отдельные спальни, а на Западе это и вовсе вошло в обычай. Никакого принуждения, заверяю вас! Разве только пожелаете сами.

– А что еще будет входить в мои обязанности?

– По ситуации. Надо разобраться, на что вы годны.

– Нечто вроде выездной секретарши? – спросила Энни. – Я умею работать с компьютером, знаю четыре языка, разбираюсь в юриспруденции, живописи. Вдобавок музицирую на двух инструментах, немножко пою.

– Надо же, – улыбнулся Геральд. – Прямо находка! Может, вы еще и актриса? При моих занятиях это не помешает.

– Был и такой грех, – кивнула она. – Хотя широкого признания не добились.

– И слава богу. В смысле, лишняя шумиха мне ни к чему. Я вообще скромный человек, чуюсь в больших компаниях. Зато люблю путешествовать. Как у вас с этим?

Энни пожала тонкими плечами.

– Приходится, – сказала она. – Пока выбирать не из чего.

– Бомжуем помаленьку, да? – улыбнулся Геральд. – Вас тоже сорвал с места ветер перемен? А был бы собственный дом... Кстати, не такая уж химера – если повезет чуть-чуть. Хотя связано с известным риском.

– С «известным»? – вскинула Энни брови. – И насколько большим?

– Не слишком значительным, если уметь себя вести. Не чрезмерным. Рассиживаясь тут в одиночестве, рискуете не меньше. Похоже, вы не знаете здешних правил и не готовы еще платить полную цену... а сунулись на чужую территорию. Глупой вы не кажетесь – значит, дошли до ручки?

– Гарри! – раздалось вдруг за его спиной. – Это ты, што ль?

Ему потребовалась секунда, чтобы опознать голос и выбрать линию поведения. Проклятье, все ж нарвался на знакомого!

– Ради бога, только не заговаривайте с ним, – успел он прошептать. – Это как чума.

В следующий момент по его плечу стукнула трость, требуя внимания. А ведь дуралею уже грозили набить лицо за такие выходки!.. Как-нибудь в другой раз, ладно? Сейчас не до тебя.

– Чтё-о? – раздраженно каркнул Геральд, оборачиваясь. – Мне не есть знать вас!.. Ви кто?

За один миг в нем изменилось всё: осанка, голос, мимика, даже черты. Он достаточно владел телом и учился перевоплощению не один год. Если это не искусство, то вполне пристойный уровень профессионализма.

Некоторое время нахал изумленно вглядывался в него. Затем извиняюще пробормотал что-то и ретировался, пока разгневанный иноземец не затеял скандал. Невнятно выругавшись, Геральд вновь повернулся к Энни и вкрадчиво улыбнулся, возвращаясь к прежнему облику. Кажется, его внезапная маска ошеломила женщину. Ну-ну, милая, привыкай!

А тут и вторая смена подоспела – вполне под стать солянке, судя по запаху. Все-таки здешнюю кухню стоит взять на заметку. Вот только нежелательные эти встречи... Н-да. Будем пока считать это случайностью.

– Вас что, разыскивают? – осторожно спросила Энни.

В смысле: не в розыске ли он?

– Я убил десять человек, – сипло поведал Геральд и даже показал на пальцах: – Десять! – Поглядев на ее вытянувшееся лицо, рассмеялся: – Шучу. – Затем подумал и добавил: – А может, и убил. Я ведь воевал, сударыня, а там, знаете ли... Кто считал, сколько из выпущенных мною пуль нашли цель?

– Ну, это другое.

– Думаете? Поначалу и я...

– А что затем? – живо поинтересовалась она.

– А затем, невесть с чего, во мне проснулась совесть. – Геральд снова улыбнулся, на сей раз без веселости, одной половиной лица. – Очень, знаете ли, мерзкое ощущение – словно бы вспоминаешь свои давние проигрыши, обиды, унижения... когда еще позволял себя унижать. И вот тогда я задумался: как искупить? Раскаянием, добрыми делами? Так мне вроде не по профилю. И смирением не отличаюсь – с молодых ногтей обуревают гордыня. Но ближним теперь стараюсь не пакостить... если сами не нарываю. Некоторых даже полезно время от времени колотить.

– Женщин тоже?

– Обижаете, милая. Это – табу. Если что не по мне, отхожу в сторону.

– В таком случае, мы с вами сработаемся, – заявила Энни серьезно.

Геральд вновь засмеялся, потом взялся за вилку, жестом предлагая возобновить трапезу. С готовностью она последовала его примеру, и вскоре от обоих бифштексов осталось воспоминание – впрочем, приятное. Короткое время спустя парочка покинула заведение, причем Энни взяла работодателя под руку, сразу начав играть порученную роль. Если за ними кто-то наблюдал, решил бы, что они знакомы не первый день.

При виде его боевого коня на лице Энни мелькнуло разочарование. Именно мелькнуло – не в ее положении привередничать.

– Не доверяйте первому впечатлению, – предупредил Геральд. – Он как и я: неярко, но содержателен. Знаете, как его зовут? Горбунок.

– Прикажете и вас так величать? – легонько фыркнула Энни, опускаясь в любезно распахнутую дверь. – Этакая супружеская фамильярность... Кстати, мы и дальше будем на «вы»? – спросила она, когда Геральд сел за руль. – Как-то не очень вписывается в роль, вам не кажется?

Внутри оказалось просторней, чем казалось снаружи, – на удивление. Конечно, сам Геральд давно перестал этому удивляться. В свое время он тщательно выбирал модель, а затем

переиначил тут почти все, от мотора до подвесок. Пришлось, правда, пожертвовать обтекаемостью форм ради маскировки, но и тут проигрыш небольшой – к тому ж, с лихвой перекрывается отборной начинкой.

– В этом имеется особый шик, – ответил он, плавно трогая машину с места. – Когда по утрам, после всех ночных безумств и полной распаханности, супруги общаются с пиететом. Всегда умилялся старым аристократам – в смысле, прежним, дореволюционным еще.

– Но сейчас-то иные времена.

– Вы правы, нынче нас в этом не поймут. Придется соответствовать.

– Впрочем, в постели, если дойдет дело, можете обращаться со мной, как дворянин. Такой стиль мне тоже по нутру.

Геральд покосился на нее, но не понял, говорилось это серьезно или в шутку. Если последнее, то у дамочки своеобразное чувство юмора, а свои остроты она умеет подать. И это хорошо.

– Как вам моя машина? – спросил он и тотчас поправился: – То есть тебе. Ощущаешь скрытую мощь?

– Очень уж она легонькая, – отозвалась Энни. – Это не опасно?

– А я не собираюсь бодаться с броневиками. Настоящее искусство в том, чтобы обходиться без царапины. Хотя панцирь у моей малышки не хуже. И уж резвостью она заткнет за пояс любого.

– Вы любите ее как женщину, – заметила она и поправилась: – То есть ты.

И опять Геральд не понял, случайно или намеренно его спародировали. Это становилось занятным. Кажется, скучать с новой знакомой не придется.

– Тебе не говорили, что ты похожа на Нонну Терентьеву? – спросил он. – Была такая актриса, давно.

– Да, я знаю. Странно, что ты помнишь.

– А мне нравилась она – внешне. В ней ощущалось то, что именуется породой, присутствовал аристократизм. Потому и играла обычно стерв... Кстати, ты сама не из дворянок?

Вот сам Геральд вовсе не выглядел бароном – хотя, если папан не врал, был им на три четверти. Вдобавок не отличался ни изяществом, ни высоким ростом – скорее коренаст. Зато проворен, энергичен, крепок. Это что, наследие низкой крови? Или смешение кровей дало взрывной эффект?

– Ну да, сейчас это модно! – молвила Энни неопределенно.

Они уже подкатывали к отелю, выглядевшему вполне пристойно по меркам провинции. И внутри устроенному не хуже.

– Может, сразу съездить за твоим багажом? – спросил Геральд. – Как думаешь, милая?

– Собственно, почти всё на мне, – ответила Энни. – Либо в сумочке. А прочее не стоит хлопот.

– Действительно, куда спешить? – ухмыльнулся он. – Сперва следует приглядеться – ко мне, к новым обязанностям.

Загнав машину в подземный гараж, Геральд помог женщине выбраться из салона и вместе с ней взмыл на лифте к верхнему этажу, где помещался его номер – в самом деле, весьма недурной. На пути не встретился никто – ни из обитателей, ни из персонала, – хотя проверили их по меньшей мере трижды. Вообще, как Геральд успел убедиться, охрана в отеле налажена образцово, но в глаза это не бросалось. Как уже поминалось, находиться в Приграничье было рискованно. Зато и деньги тут вращались немалые, а это предполагало качественную службу – для тех, у кого не пусто в кармане.

– Спальню выбери сама, – сказал Геральд, заперев за собой дверь. – Собственно, они одинаковы. А здесь как бы гостиная. Хотя гостей я пускаю редко.

– Значит, я уже не подпадаю под этот статус? – осведомилась Энни. – Может, тогда приму для начала ванну? С тех пор, как ты накормил меня, это – главное мое желание.

– Если позволишь, я помогу. Обожаю обхаживать красивых женщин!

– Хотя бы с внешностью мне повезло, – пробормотала она, будто подслушала его недавние мысли. – Где я могу раздеться?

– А где желаешь, – ухмыльнулся Геральд. – Удобнее в спальне, приличнее в ванной.

Не ломаясь, Энни выбрала первый вариант. И когда он наполнил резервуар зеленоватой ароматизированной водой, женщина вступила в ванную уже нагая, даже не позаботясь обуть тапочки и распустив по плечам пышные волосы. Без одежды она выглядела еще лучше, к тому же Геральду нравилась в людях раскованность. В жизни и без того хватает сложностей, чтобы добавлять их самим.

Приняв его руку, Энни осторожно шагнула в воду. Затем погрузилась в нее всем телом, почти целиком скрывшись под сугробами снежной пены, и вытянулась во весь рост, тихонько застонав от наслаждения.

– Боже мой, – выдохнула она, – как мало нужно человеку для счастья!

– Ну, если тебе больше ничего не надо...

Присев на стул, Геральд пододвинул к ванне изящный столик и разлил по бокалам вино. Фрукты и сладости прилагались.

– Вообще здесь довольно места для двоих, – заметила Энни. – Даже для троих, если уж зашла речь.

Ну, это смело! – оценил Геральд. Где ж я добуду третьего? Вдобавок и делиться не люблю – есть такой грех. Или имелась в виду третья?

– Не искушай без нужды, – предостерег он. – Пока что я созерцатель, почти абстрактный ценитель твоей красоты. Но стоит дистанцию нарушить...

– Почему нет? Все равно это произойдет – рано или поздно. Так к чему затягивать?

«Это» произошло даже быстрее, чем Геральд рассчитывал, – они не успели еще выбраться из ванны. К прочим достоинствам у нее оказалась атласная кожа и нежные, как у ребенка, ступни с умильными пальчиками. К слову сказать, его «обхаживание» в предложенном ею варианте больше походило на эротическую игру. Он вовсе не собирался принуждать гостью, но та сама возжелала близости. Выиграл ли темперамент, до поры сдерживаемый, или Энни впрямь лишена предрассудков. Оно и к лучшему, если честно.

Затем «это» совершилось трижды, уже в постели, перемежаясь легкой трапезой, неспешной выпивкой, расслабленной дремотой, разговором. Энни изголодалась по ласке, хотя старалась не слишком это выказывать, и льнула к нему словно течная кошечка, постепенно раскрываясь. Возможно, с самого начала Геральд настроился на нее верно, сплетаясь незримыми нитями, а может, и в тот трактир завернул неспроста – ведь не планировал. И она доверилась незнакомцу так легко, словно бы сама владела подобием его дара – чувствовать людей. Или это беспечность? Или безысходность?

Похоже, в этой нечаянной встрече повезло не только женщине. Хотя Геральд давно уж не полагался на удачу – куда чаще ему приходилось драться с судьбой.

– Что ни делается – к лучшему, – заметил он, когда оба наконец уgomонились. – Сейчас мы покемарим, чтобы не клевать носом днем, а когда встанет солнце, переберемся в лоджию – если вы, сударыня, не против легкого загара. Кстати, там небольшой бассейн с морской водой. Удобно, верно?

– Может, я умерла? – спросила Энни, дыша в его шею. – Или мне это снится? Так круто все поменялось!..

– Ну да, и я в роли гурия, – хохотнул Геральд. – Кстати, куда определяют муселок после смерти? Что праведники получают в раю полную секс-обслужу – это понятно; но на что могут претендовать праведницы?

Не хватало влюбить ее в себя, подумал он с опаской. И что тогда делать с новыми угрызениями? Мало мне прежних!

– В любом случае я за равноправие, – пробормотала женщина. – Ищущий да обрящет. Кажется, я неплохо вложила свой единственный капитал?

А это что: цинизм или самоирония? – снова не понял Геральд. Или дамочка еще пронацитательней, чем можно было заподозрить? Собственно, кто тут в кого вкладывает?

– Думаешь, я купился на эффектную витрину? – спросил он. – Этого мне не хватало и в юные годы.

– Впрочем, вру – есть еще кое-что, – сказала Энни. – Потому и заявила сюда. Я ведь не только гляжусь белой костью, как ни смешно.

– Из графьев, что ли? – хмыкнул Геральд.

– Наполовину. Байстрючка, можно сказать. Ну, да много ли осталось чистопородных!.. Может, тебе ведомо, что в столице здешней губернии затеян конгресс дворян?

– Как же, слыхал! Слетелись вороны, почуяли падаль... Я не имею в виду тебя, – прибавил Геральд. – Ты-то не из хищных птичек – клювом не вышла.

– Кто знает, милый, кто знает...

Кажется, Энни не собиралась перебираться в другую спальню или прогонять туда Геральда. И его это устраивало пока. Ощущать ее в такой близости было удовольствием – даже если забыть о прочем.

– Какой же ты твердый, – прошептала гостя то ли с одобрением, то ли с осуждением, укладываясь щекой на его грудь. Вдобавок неясно, имела она в виду мускулы или что иное.

– Налитой прямо, – уточнила-таки Энни. – Каждая мышца играет. А в одежде кажешься таким плотнячком.

– Маскировка, милая, – хохотнул он. – Люблю удивлять ближних.

– Лично мне такой сюрприз по душе. Не терплю дряблых.

В последнем слове Геральду тоже почудилось два смысла. Словно бы в своей вовсе не длинной жизни Энни успела натерпеться от этих... «дряблых». Действительно, сколько людишек дрейфует по жизни, загаживая и отравляя среду. Даже у дворян – что прежних, что нынешних, – предприимчивость не в чести. Поэтому Геральду и не по пути с ними.

– Вот и славно, – кивнул он.

Прихлебывая рейнское вино, столь им ценимое, закусывая фруктами, коих тут было обилие, Геральд наслаждался моментом. Вдобавок (и главное!) рядом возлежала женщина – прелестная, умненькая, загадочная... то есть непрочитанная пока, но раскрытая ему навстречу. Чего еще желать?

– До сих пор я полагал, что золотые волосы выдуманы сказочниками, – сказал он, – а по жизни шлындрают рыжие, все в конопушках... или крашенные. Но ведь ты натуральная златовласка!

Энни поморщилась, словно бы с неудовольствием, однако не возразила и любоваться собой не препятствовала. Выдав еще пару комплиментов (впрочем, искренних), Геральд принялся аккуратно, исподволь раскручивать женщину на исповедь, благо момент и обстановка располагали. Может, это неблагородно. Но в серьезных делах слишком многое зависит от партнера, чтоб выбирать его наобум. Вдобавок Геральд любил узнавать людей.

Конечно, поначалу Энни противилась: иным женщинам куда проще раздвинуть ноги, чем раскрыть душу. Но Геральд был терпелив, один за другим снимая заслоны, возведенные для других, – словно бы расчищал русло для будущего потока. И наконец тот хлынул, прорвавшись из-за плотины. Теперь следовало не зевать, осторожно подправляя его течение, и складировать доверенные сведения на заготовленные полки, чтобы рассортировать и осмыслить это уже после, на свежую голову. Но в любом случае Энни не разочаровала его, и впрямь оказавшись занятым созданием.

– А откуда произошел ты? – спросила она, выговорившись. – То есть что ты делал по жизни, чем занимался, на что нацелен?

– Ничего себе вопросец! – восхитился Геральд. – «Как закалялся», да? Этак всей ночи не хватит, чтобы ответить.

– И все-таки?

– Ну, моя жизнь богата событиями – так просто не перечислишь. «И мотало меня...» Сперва, по молодости, увлекся карьерой, даже достиг определенных высот в своей сфере... не будем уточнять, какой. Затем мне сделалось душно, и я круто поменял ориентиры... причем не единожды. Среди прочего отдал дань накопительству – тоже ведь недурная игра. Хотя приедается быстро. Я люблю комфорт и не против богатства – но делать это смыслом существования?... Скучно, господа!

– Похоже, ты и сейчас не беден, – заметила Энни, окидывая взглядом роскошный номер.

– Поддерживаю достаток, само собой, – к хорошему привыкаешь. К примеру, я люблю ванны, в которых не тесно вдвоем, – тут Геральд позволил себе улыбнуться, – и в которых можно пошалить всласть, не рискуя повредить что-то себе или своей подруге. Но никаких излишеств, сударыня, – это развращает!

Она хихикнула.

– Собрал не одну коллекцию, – продолжил Геральд, – от старинных клинков до автомобилей. Кое-что сохранилось, надежно упрятанное... хотя гараж сгорел, увы. Я ведь и пользованными машинами торговал, – добавил он. – Оказалось прибыльным делом. Там и сделал свой первый миллион... он же последний.

– Что, поменялась конъюнктура?

– Нет, наскучило. Да и на что мне больше?

– Как странно ты выразился, – заметила Энни. – «Пользованные машины»... Или это сейчас в моду?

– Что, не звучит? А ведь прямой перевод с английского – «used».

– По-моему, тут есть подтекст.

– Не без этого, – улыбнулся Геральд. – Можешь записать меня в суеверы, но машина не просто набор железок, слепленных по чертежу. Уж поверь: я знаю предмет. Личность владельца накладывает след, что бы там ни болтали теоретики. А садиться на чье-то место все равно, что надевать... то самое.

– Многие и женщин не любят... подержанных. По той же причине, да?

– Ну, если женщиной впрямь владеют... Но за одну ночь это не происходит. Да и за сезон – вряд ли. Вот разве за год.

– А за семь месяцев? – осведомилась она серьезно, словно имела в виду себя.

– Зависит от интенсивности, полагаю. Точнее от того, насколько дамочку подминают.

– Женщин тоже коллекционируешь? – спросила Энни.

И, в общем, попала в точку – по крайней мере, не сильно промахнулась.

– Будем ревновать, да?

– Ну, какие у меня права!..

– Да уж, лишних прав вам лучше не давать.

Выдержав паузу, Геральд сказал:

– Знаешь, не люблю притуплять ощущения. А ведь стоит не поупражняться с неделю, как то, что вытворяют мужчина с женщиной, оставшись наедине, начинает казаться таинством. Ну вдуматься, а? Еще недавно мы едва соприкасались руками – и вдруг пытаемся слиться в одно, смешаться телами!.. Это ли не священнодействие?

– А как назвать то, что вытворяют мужчина с женщиной?

– Ну, это святотатство! – усмехнулся Геральд. – За такое следует отлучать от истинной веры. Впрочем, они уж отлучили себя сами... глупцы.

– И все-таки, часто ли ты меняешь подружек?

– Есть у меня изъян: не могу долго обходиться без женщины. Точнее, не хочу – слишком это гнетет. Конечно, можно изнурять себя тренингом...

– Видимо, у тебя переизбыток тестостерона, – предположила Энни. – Даже скорее всего – судя по моим ощущениям. Странно, что ты не полысел... А почему считаешь это изъяном?

– Потому что иногда лучше побыть одному. Подворачиваются ведь такие экземпляры!.. Но с тобой мне, кажется, повезло.

– Так, – сказала она, словно отметила что-то в своем кондуите. – Наверно, и азартные игры любишь?

Геральд рассмеялся – негромко, зато от сердца. Опять Энни угадала.

– Для меня это чересчур – действует, как наркотик, – признался он. – Пришлось оставить, пока не затянуло. Знаешь, когда ценой секунды может стать миллион... И ведь понимаешь, что суета!

– Ничего себе, – пробормотала Энни. – Мне бы кусочек от той суеты.

– А если на другой чаше – жизнь? согласишься сыграть?

– Собственно, что мне терять?

– Эх! – огорчился Геральд, чуть не прибавив: молодежь. – И когда люди научатся ценить, что имеют? Вокруг столько радостей, маленьких и больших, столько непознанного!..

– Хорошо глядеть на мир с твоей колокольни, – вздохнула женщина. – Предварительно утомясь коллекционировать машины.

Геральд насмешливо фыркнул.

– Тянет на авантюры? – спросил он. – Ну, за ними дело не станет. Слыхала про здешнее зверье: крысок запредельных размеров, морских чудищ, оснащенных лазерами, прочих небывалых тварей? Вот из чего собрать бы коллекцию – цены б не было!

Чуть заметно Энни напряглась под его рукой, зашевелила лопатками.

– Разве это не вымысел? – спросила она.

– Сперва и мне казалось так – пока не присмотрелся ближе. По натуре я парнишка азартный, но свои затеи привык готовить с тщанием. И стоило ковырнуть мешок, как из него столько посыпалось!.. Тут, в этом городке, еще цветочки, а центр аномалии приходится на губернскую столицу. Думаешь, почему туда стремится столько народу? Притягивает, говорят, – даже понятие возникло: «слышать Зов». Правда, добраться до конечного пункта хватает духа не у всех.

– И тебя тоже притянуло Зовом?

– А у меня всегда уши на макухе, – ухмыльнулся Геральд. – И уж я, в отличие от многих, знаю, чего хочу. Зверюги – что!.. Там есть вещи куда занятней.

– Расскажи, а? – попросила Энни. – Будь таким добреньким.

– Про всё? А спать когда?

– Ну, хотя бы начни.

И женщина поменяла позу, чтоб видеть его лицо.

– Прежде, до возвращения губерний, эта местность звалась краем, – начал Геральд. – Как ни забавно, теперь она оправдывает такой статус. Именно край, даже не государства – планеты. Здесь Приграничье, к тому ж покруче Дикого Запада, поскольку граничит черт знает с чем – может, и с Преисподней.

– Шутишь!..

– В мои годы на такие темы трудно острить.

– А сейчас ты говоришь, точно старик.

Усмехнувшись, Геральд поцеловал ее в висок.

– Как пишут в объявлениях: «девушка желает познакомиться с солидным щедрым мужчиной для приятного общения». Вот я как раз такой: не лысый, но уже поседелый. А жизнь гарантирую не хуже своей – разве это не щедрость?

– По-моему, это пишут шлюхи.

– Боже, что за обороты!

– Хотя кто ныне не продается...

– Ну, такие наверняка есть – не надо всех под один гребень. Хотя речь об ином... Скажи, тебя не страшит смерть?

– Что? – удивилась она.

– И старость, и немощь, – продолжил Геральд. – Пока я мужчинка в соку, но перевала уже достиг. А дальше что: тропка под уклон? Все ниже, ниже... Затем обвал – в небытие. Будто и не было человека. Вспорхнул, прокукарекал, сколько успел, и сгинул навеки.

– Разве ты не веришь в бессмертие души?

– «Веришь!» – фыркнул он. – Это не для меня. Доказательства – где? Кто-нибудь вернулся оттуда? Ага, Христос... Если и вернулся, ко мне не приходил. А ведь какой разговор мог бы состояться!

Геральд даже засмеялся, представив такую встречу.

– Ну, и к чему твой вопрос? – вернулась Энни к реалиям.

– Да к тому, милая, что я не прочь перенести окончательное разрешение этой дилеммки: насчет бессмертия души, – как можно дальше в будущее. А до тех пор пожить на грешной земле.

– По-твоему, это возможно? То есть не в отдаленной перспективе, а сейчас, здесь?

– В том и суть. За этим многие и ломанулись туда. Но захотят ли они платить полную цену?

– А ты? – спросила женщина.

– Вот я предпочел бы не платить, – ответил он. – Поскольку ценой как раз и может стать жизнь – настоящая, полнокровная. И тогда на что мне такой срок? Уж лучше небытие, чем прозябание.

– Значит, и байки про вампиров высосаны не из пальца?

Ну, это уже не просто двусмысленность – скабрзность!

– Отнюдь, – хмыкнул Геральд. – Кажется, из любимых словцов нового дворянства.

– А по-моему, это лексика анекдотных персонажей.

– Разве большая разница?

Сев на постели, Энни потянулась к своей сумочке.

– Не против, если я закурю?

Кажется, она разволновалась – признак доверия. Начального, скажем так.

Геральд пожал плечами:

– Желание дамы...

И подвинул к ней пепельницу.

– А ты, конечно, не куришь.

– Теперь это, скорее, женское занятие, – подтвердил он, усмехаясь. – Греши, пока молода. С возрастом учишься рационализму – если не дурак.

– И не пьешь, да?

– А вот тут имеется оптимум. Как и в постельных утехах, к слову сказать.

– По крайней мере, тебя не раздражает, когда женщина курит?

– Если она красива и обнажена, – сказал Геральд галантно, – это даже добавляет ей шика. Хотя здоровью, конечно, вредит, – присовокупил, чуть подумав.

Он вдруг заметил, что за окнами светает. Да и в комнате стало светлее. Вот так: незаметно, за «приятным общением», – пролетела еще одна ночь. А много ль осталось их, столь же сладостных? В следующие-то уже не расслабишься, как сейчас... Или подарить себе еще сутки? Куда торопиться: на тот свет? Нет, подарки судьбы надо беречь!

– И утро тебе к лицу, – сказал он, любуясь женщиной.

– И ночь? – откликнулась Энни, точно на пароль.

Ух ты, выходит, и она помнит старинный этот фильм!.. Или совпадение? Роль миледи ей бы подошла, смотрелась бы не хуже Демонжо. Даже лучше – если иметь в виду любовные сцены.

Геральд снова поглядел в окно, будто ожидал увидеть там первого из монстров Приграничья. Хотя с рассветом они прекращают бедокурить, а в такую даль забредают редко. Правда, уже и тут случались странности. Мало-помалу, но чужаки наступают.

Оглянувшись на соседку по постели, Геральд вздохнул:

– Четыре языка – это, конечно, славно. Но лучше б ты выучилась стрелять.

– А я умею, – неожиданно сказала она.

– Ого! А как насчет фехтования, верховой езды... точнее, вождения?

– Всего понемногу.

– Похоже, тебя растили в лучших традициях ушедшей эпохи, – позавидовал Геральд. – Вот мне почти до всего пришлось доходить самому.

– А почему ты считаешь, что у меня не так?

– Да потому, милая, что я много старше. Ты просто не успела бы освоить все самостоятельно. Значит, с пяти метров не промахнешься?

Протянув руку, он извлек из-под кровати компактный, зато увесистый чемодан и уложил рядом с собой. Покосясь на Энни, откинул крышку.

– О! – не удержалась она от возгласа, а в глазах вспыхнул неженский восторг.

Действительно, арсенал – загляденье. Геральд подбирал его тщательно, вдумчиво... чтобы не сказать, любовно.

– Вот этот тебе подойдет, – сказал он, вынимая из паза изящный пистолет. – Отдача не сильная, но прошибет и броню. Пуль более двадцати, может стрелять короткими очередями. Хотя не советую. Береги патроны-то, расходуй с умом.

– Ага, «зря сирот не обижай», – пробормотала Энни, аккуратно принимая оружие. – Стреляй на поражение.

Во всяком случае, отношение к таким вещам у нее, похоже, правильное. И она не из тех, кто любит баловаться с огнем, – но при надобности сумеет применить. Уже легче. Хуже нет, чем плодить жертв вокруг себя!.. Кстати, женская нагота вкупе с оружием смотрелась недурно.

– Опа! – вдруг произнес Геральд, настораживаясь.

– Что?

Затем взгляд ее метнулся к балконной двери – теперь и Энни расслышала за ней шорох. Выходит, приключения начались раньше, чем планировалось?

– Кажется, я накаркал. – Он выхватил из чемодана пистолет для себя – увесистый, с мощным стволом. – Следи за окном!

Скользнув вдоль стены, Геральд распахнул дверь и рывком выдвинулся наружу, держа оружие перед собой. Однако стрелять оказалось не в кого – видно, посетители тоже не жаловались на слух, а потому успели ретироваться. Вот только каким способом, куда?.. Не говоря о том, что и попасть сюда вовсе не просто. Но на пришлых тварей не похоже. Уж эти гости знали, что самый сладкий сон у любовников – по утрам. И рассчитывали их сильно удивить. Жаль, жаль, что я поспешил – вечная моя проблема!

Тщательно заперев дверь, Геральд повернулся к своей напарнице. Улегшись животом на подоконник, Энни высунулась в окно, пытаясь заглянуть за угол отеля. Экие булочки! – восхитился Геральд, любуясь ее оттопыренной попкой. Даром что дворянка. Вообще, держать оборону в таком экипировке – это лихо!..

Словно ощутив, что на нее смотрят, женщина оглянулась.

– Бессовестный! – сказала она, вполне оценив его похотливую мину. – Не стыдно?

Однако позу менять не стала. Решено! – подумал Геральд, ухмыляясь. На сегодня беру выходной. И до завтрашнего утра из номера – ни ногой. Когда еще выпадет передышка?

– Первой своей фразой ты ответила на вторую, – заметил он. – И кто бы ни посетил нас сейчас, шансы на его возвращение ничтожны – поверь моему опыту. С другой стороны, разве тебя не будоражит опасность?

– Все-таки, кто это был?

– Возможно, грабители, – пожал Геральд плечами. – В этот городок сползло столько шушеры!.. Но если честно, сейчас мои мысли об ином.

– Бессовестный, – повторила Энни и снова разлеглась на подоконнике, опустив голову на сложенные руки. К счастью, она не была паникершей.

Часть II

Глава 4. Моя крепость

За этот день я успел объездить едва не полгорода и посетил многих, с кем приятней или полезнее беседовать в живую. По нынешним временам не самый удобный метод общения, но без такой добавки не обойтись – к тому же, я воспринимал других не только зрением или слухом. Заодно рассчитался с последними долгами, завершив дела с прежними клиентами. Новых заказов не принимал – всё, закрыта лавочка. Был методист Шатун и нет его – забудьте!

В свою берлогу возвращался уже перед закатом, по опустелому шоссе, с изрядным запасом обгоняя попутный транспорт. На моем «болиде» это нетрудно, а водить я таки умею – практика, господа! И когда вдобавок тебя страхует бортокомп, уберегая от явных ляпов... Этот отрезок пути, от города до уединенной моей усадьбы, был знаком мне до последнего камня, но до сих пор зрелище лесистых гор, вздымавшихся к небу с одного бока, и лазоревое моря, простиравшегося до горизонта с другого, радовало глаз. И сама дорога – из лучших в здешних местах. Конечно, нашу магистраль не сравнить с автобанами западников, но и на ней можно погонять от души. Что я и вытворял почти каждый вечер, спеша попасть домой до захода. Но, как оказалось, опасности грозят не только по ночам.

Ей-богу, я ощутил грядущий сюрприз за пару минут до того, как он разразился, – вот еще новое качество. Не слишком приятное, зато полезное. Услышать или увидеть что-то заранее я не мог и, однако, стал озираться, окунувшись в тревогу, как в ледяную воду. Затем выпихнул наружу «стрекозу», велел ей сразу взлететь повыше, и подключил к управлению бортокомп.

И тут оно проявилось, вынырнув из-за ближнего гребня, – сперва на экране. Что-то приближалось ко мне по воздуху, слишком компактное и шустрое для вертолета, больше похожее на здоровенный валун, пущенный из катапульты. Опять же черт знает как, но я ударил по тормозам за миг до того, как из чужака хлестнула молния, едва не подпалив «болиду» нос. Взвизгнув, летун проскочил надо мной по крутой дуге, и развернулся куда быстрее, чем можно было ждать, словно бы весил считанные килограммы.

Не дожидаясь новой атаки, я свернул на подвернувшуюся грунтовку, уводящую в глубь ущелья, и на повороте выпал из машины, укатившись в кусты. Тотчас вскинулся на колени, выхватив бластер, а прицел доверил бое-скафандру, пластиковые мышцы которого уже направлялись бортокомпом. И когда чужак снова возник на виду, погнавшись за «болидом» между отвесных стен, по нему ударили из трех точек, сразу железом и плазмой, зажав в огненные клещи.

Но все заряды расплескались по сфере, на секунды сделав ее видимой. Впрочем, этого хватило, чтобы летун взмыл вверх, за секунду перемахнув гребень, и сгинул с глаз, более не стреляя. То ли усомнился в своей защите, то ли не рассчитывал нарваться тут на отпор.

«Болид» уже возвращался, пятясь кормой. Забравшись внутрь, я вырулил на магистраль и покатил дальше, в изумлении поглядывая на экран, где проявлялись и детализировались последние события. Нежданное приключение не столько напугало меня, сколько озадачило. Пушечка-то у летуна под стать моей, разве помощней, – но маневренность, защита!.. И с чего эта глыбища так порхает? Будто космолет в невесомости. А если прикинуть перегрузки при разворотах... Да какой организм это выдержит? То есть я пока не веду речь о пришельцах – но, может, летуном управлял комп? Эдакая битва машин... Или уже придумали средство против инерции? Как раз его и не хватает для полного комплекта – в допол-

нение к антиграву. Хотя, не исключено, оба устройства работают на одном принципе. Как и защита, да? Домыслы, домыслы...

Будь я тарелочником, без колебаний отнес бы суденышко к летающей посуде инопланетян. И все равно в следующую минуту удивился бы его сходству с обычным броневиком, снабженным реактивными турбинами. По-моему, как раз такую модель выпускает Компания. Или очень близкую.

Чтобы не ломать голову, я послал запрос Дворецкому, и тот, сверив с архивом, подтвердил сходство, даже прислал чертежи искомой машины. Водительское кресло размещалось там по центру, а руль при нажиме погружался в управленческую панель – якобы для безопасности. Но тем же способом в самолете меняют высоту. Выходит, стандартная модель служит заготовкой и после небольшой доработки превращается в такого вот летуна... Господи, как! Одной загадкой больше, да? И почему все они сыплются на мою голову – притягиваю, что ли? Эдак меня не хватит надолго.

Но больше на дороге не приготовили каверз. Свернув с магистрали на узкое ответвление, уводившее к моей берлоге, через пару минут я уже миновал ворота и закатил «болид» в подземный гараж. Поднявшись по винтовой лесенке, вступил в прихожую, где меня, конечно, встретил Хан, громадный псина, больше смахивающий на медведя, и единственное существо, в преданности которого я уверен. Навязываться он не стал – дождался, пока подойду и в две руки потреплю мохнатый загривок. Заворчал удовлетворенно, затем не спеша удалился, отправясь по каким-то своим делам.

Кроме нас двоих в доме обитала Инесса, странная женщина, заправлявшая тут хозяйством, – безмолвная, услужливая и неизменно нагая. А с недавних пор здесь обосновались шкодный котенок Пират, невесть с чего принятый Ханом в воспитанники, и дружная пара малолеток, Настя с Лехой, – как и Инесса, старающихся лишний раз не показываться мне на глаза. Понятно, это не то уединение, к которому я привык за последние годы, но пока нечаянные соседи раздражали меня не сильно. Да и выгонять их пришлось бы на улицу, что по нынешним временам почти приравнивалось к высшей мере.

А еще тут жила Голова, но о ней разговор особый. И это чудо я старался держать подальше от прочих – такой сюрприз не для слабых нервов.

Избавясь от снаряжения и пройдя через душ, я направился в гостиную, где меня поджидал ужин, как всегда, отлично приготовленный и умело сервированный. Из-за стен сюда доносились ребячьи голоса, но чтобы расслышать их, пришлось бы заглушить музыку – а эту завесу я снимал редко. К тому же снизу, через раскрытые окна, доносился нескончаемый рокот волн, накатывавших на утес.

Как интересно жить стало, а? – размышлял я, смакуя Инессины яства. Сперва Калида со своими отпрысками едва не устроил в городе маленький армагеддон, заручась благословением чужого Бога... что еще можно списать на случайный пространственный прокол. А когда покончили с этой напастью, косяком поперли новые странности. Да если к моим трофеям: бластеру, шлему и комбинезону, – прибавить оснастку сегодняшнего летуна... Что ж выходит: неужто и впрямь вторжение? Вот не было печали!..

Закончив с ужином, я перебрался в кабинет, настроено закрытый для прочих обитателей дома, уселся перед широким экраном, еще не включенным, равнодушно отражающим то, что перед ним. Вообще, полезно время от времени смотреть на себя в зеркало, сцепившись взглядами с отражением, вглядываясь в зрачки, – иной раз там открываются такие глубины!

– Не понимаю! – сказал я внятно. – Что творится в этом проклятом городе?

– Проклятом или проклятом? – уточнила Голова, хотя наверняка расслышала ударение.

Как всегда, помещалась она на верхней полке стенного стеллажа, упакованная в удобный шлем, и прежде принадлежала тому самому Калиде, метившему в большие злодеи. Незадолго до кончины тот сильно поумнел, разжившись ресурсами собственных чад, объ-

единившись с ними в эдакий супермозг, и хотя лишился тела, новое соображение сохранил в полной мере. Иногда мне это нравилось, чаще – бесило.

Но дискутировать с ним полезно. А потому я спросил:

– Откуда идет эта волна? Я же устранил твоего Бога!

– Не Богом единым, – съязвил пленник, если не злоупотребляя, то пользуясь моими угрызениями. Как ни крути, нынешним своим состоянием Калида обязан мне. Хотя остановить иначе его вряд ли бы удалось...

– Я начинаю думать, что Бога подбросили нарочно, лишь бы отвлечь, и что главная опасность исходит не от него.

– Глубокая мысль, – сказал Калида и добавил с внезапной серьезностью: – В последние дни и мне чудилось похожее. Правда, осознать это я не успел.

Камешек в мой огород. Но и у меня за пазухой полно камней.

– Выходит, ты лишь служил кому-то завесой, а я сражался с мельницами?

– По крайней мере эту завесу ты сорвал, – заметил он, словно утешая.

– Чтоб увидеть следующую?

– Ну, что тут скажешь? Зри в корень.

– Советчик!.. И где ж он, этот корень?

– Н-да. – Калида вздохнул, точнее, за неимением груди, изобразил вздох, и вдруг сменил тему: – Что-то давно Ланочка не звонила!..

– Молчал бы, а?

Об этом я мог только просить. По негласному, но понятному обоим соглашению, Калида волен был изгаляться на любые темы – лишь бы его не слышали другие. Эдакий несмолкающий глас моей совести... Хотя и чудно видеть Калиду в такой роли.

А звонок от Ланы не замедлил, раздался как по заказу. Это становилось традицией – каждую ночь, почти в одно время. Хорошо, Калида в такие минуты помалкивал, сохраняя право слышать наши беседы. Затем и комментировать их, уже наедине со мной.

Давно прошли дни... даже недели, месяцы... когда я отчаянно, до скрежета зубного, ждал ее звонка – лучше бы, конечно, в дверь. Хотя уже тогда понимал, что толку от ее визитов не будет. Нельзя войти дважды – в реку ли, в женщину.

– Ничего не узнал про мою дочь? – спросила Лана, только возникнув на экране. Кажется, это сделалось у нее навязчивой идеей. Столько лет прожила бездетной – и вдруг разыграло материнство!..

– Работы ведутся, – ответил я, как обычно. – Если что всплывет, сразу сообщу.

На моем экране женщина выглядела как ожившая картина – портрет в натуральную величину, к тому же тщательно выписанный, с сочными красками и ощущением объема. А выражена, слава богу, без излишеств: в просвечивающий халат, мало что скрывавший. Хотя переделалась только что – судя по метинам, еще проступавшим на белой коже. Вместе с убранством Главной Матери, придуманным самой же, Лана сбросила с себя чопорность, потребную, как она считала, при таком статусе. Сейчас женщина восседала на своей кровати, но иногда звонила прямо из ванны, хотя бы передо мной не разыгрывая скромницу. Вдобавок понимала, что мне приятно на нее смотреть – до сих пор, спустя столько времени.

– Как ваш матриархат, пока оправдывает себя? – поинтересовался я. – А Горынычи не шалют больше? Имей в виду, после третьей смерти им не ожить. И новую пирамиду без папы-Кощея не выстроить. Да и я буду возражать.

В ожидании ответа Калида словно бы затаил дыхание. (Хотя откуда оно у него – без легких-то?) Все ж родная кровь, наследники.

– Трудности, конечно, есть, – с интонациями, которые так меня бесят, заговорила Лана, глядя в сторону. – Но общими усилиями мы...

– Скажи уж прямо, – перебил я, – хреновые дела.

Женщина замялась, затем выдавила:

– В общем... да.

Теперь она посмотрела прямо в глаза. Этого я тоже не люблю, но лучше уж так.

– Чего ж не хватает: силы, разума, средств?

– Да просто я не понимаю, что творится вокруг! – сказала Лана, будто цитируя меня. – Ты же считал: с устранением Отца наладится все, – да и я в это верила. А теперь... Что нам делать, Род?

– Пока не высовываться. – Я говорил с уверенностью, которой не испытывал. – Свои матримониальные намерения придержите до лучших времен. По моим ощущениям, в любой миг может разразиться бойня. Сидите в своем подzemелье, проедайте накопления Калиды – авось ураган пронесется над головой. Пару-то недель выдержите?

– Мы постараемся, куда ж деваться!..

– Да, кстати, – прибавил я, затылком ощущая второй взгляд, будто пытающийся высверлить во мне дыру. – На днях заимел новый комп, еще покруче Дворецкого. Можешь располагать им для своих нужд... А хочешь, он будет походить на Калиду?

– Ради Бога, Род! – не удержалась она от вскрика. – Только не это.

– Вашего Бога я спровадил в ад, – напомнил я. – Если не прикончил вовсе. А как мощи его мессии: не тлеют еще?

– Тебя впрямь это заботит? Или насмехаешься?

– Раньше различала.

– Раньше!.. Раньше-то многое было по-иному.

Помолчав, Лана ответила:

– Нет, тело Отца не меняется.

– Надо же!

– А что с его головой?

– Такая же пустая, – хмыкнул я. – По-твоему, пялюсь на нее каждый день?

Как будто это не так!..

– Можешь, все-таки вернешь?

– Мало тебе проблем? А вдруг Отец оживет?

Как раз этого Лана хотела меньше всего. Соблюсти приличия – куда ни шло. Но делиться властью?.. Бедняга Калида! Вот к чему приводит родительский деспотизм.

– Хотя бы береги ее, – попросила она, чтобы не выглядеть бессердечной. – Ради меня, ладно?

Экран потух, и я снова уставился на свое отражение. В темном кабинете, подсвеченное индикаторами, оно выглядело странно, словно чужое. Что делает с нами ночь! Мне и раньше казалось, что с наступлением тьмы мои чувства обостряются, а ныне это сделалось явным. Звереем, а?

– Даже не знаю, благодарить ли тебя, – проворчала Голова со своего насеста. – Такое назначение!..

– Сделай одолжение, Кощей, откажись. Я как-нибудь выкручусь.

– Ну, уж нет!

Помолчав, я прибавил:

– Не тебе объяснять, что я могу и что стану делать в этой ситуации. Ты кто угодно, только не дурак. Ну, так думай о последствиях, прежде чем советовать Лане! Не заиграйся, не доводи дело до крайностей. Мне вовсе не хочется бросать тебя в топку, как, говорят, поступали беляки с избранными большевиками.

Затем я вынул из тайника трофейный шлем и который раз принялся экспериментировать с ним, поднеся ближе к монитору.

– Чего вытворяешь? – спросил Калида, с интересом следя за мной.

– Почему-то мне кажется, что шлемная оснастка действует не только на пленку комбинезона, а на любую достаточно гладкую поверхность... зеркало, экран... Это такое поле, понимаешь?

– И ты хочешь сделать экран непрошибаемым?

– Думай, Калида, думай. У тебя ж не одна голова в запасе, даже не две. Да будь у меня такие резервы!..

– Зато у меня нет твоей интуиции. Как ты говорил? «Сколько ни складывай ноли...»

– Интуиция идет из подсознания, да? Что-то сродни инстинкту, нечто от животного, от зверя...

– Да хоть от черта! Был бы эффект.

В этот миг экран опять вспыхнул, наконец дождавшись ответа на мой вызов. Новый гость был не из тех, кто может разговаривать со мной в любое время, – нашу плодотворную, взаимовыгодную связь приходилось скрывать от всех, включая его подручных. Звали его, как ни странно, Гувер, а был он оком и рупором федеральных властей в нашем крае. Властью, если и владел, то потенциальной, ибо при надобности мог призвать немалую силу. А потому на него старались не наезжать. Большого зверя лучше не дразнить, пока не заряжено ружье.

– Ну, что тебе? – проворчал Гувер. Его широкое простоватое лицо гляделось помятым, но вряд ли от избытка работы. – Хотя бы ночью не дергал!

Пожелание не по адресу – как раз ночами здесь главные события.

– Загниваем помалу? – сказал я, глядя на него с сожалением. – А может, тебе нарочно подсовывают девиц, чтоб отвлечь от насущных дел?

– Скажешь тоже! – фыркнул он, впрочем без уверенности.

– Ладно, вернемся к баранам. Меня по-прежнему интересует Алмазин, наше всегубернское солнце, и его ближние сподвижники. Последнее время в их ведомствах заметно бурное брожение, а это не укладывается в мою схему.

– «Теория суха, мой друг», – неожиданно выдал Гувер.

Оказывается, отдельные наши гебисты почитывают Гёте – образованные, блин!.. Хотя, скорее, подслушал где-нибудь – память-то тренированная.

– Как бы ты сам не позеленел вскоре, как то «древо», – огрызнулся я. – Нынешние модели не чета прежним, и если мой Дворецкий не справляется...

– То что?

– Либо заправил его неверным исходняком... что вряд ли... либо местные деятели стали меняться, невесть с чего. И последнее вроде бы подтверждается.

– Чем это?

– Моей агентурой, – осклабился я. – Да и сам многое повидал за эти дни. Главная угроза исходит от чинуш – какой-то там образовался рассадник. А к Двору примыкает Компания, и уж что клепают за ее забором... Вот, взгляни!

Я продемонстрировал Гуверу недавнюю запись, больше смахивающую на фрагмент из фант-боевика. Если бы он знал меня хуже, вряд ли бы поверил.

– Эдакий флайер, представляешь? – добавил я. – Да с супероружием, энергозащитой!.. Федералов это не беспокоит?

– По-твоему, он продукт Компании?

– Ну, или инопланетная летательная посуда – если тебя это утешит. Хотя абрисы знакомы. Смахивает на обычный броневик, только без колес. Но ведь их можно сделать выдвигаемыми?

– Тогда на чем он летает? Крыльев-то нет.

– На честном слове, – буркнул я. – Про антигравитацию слышал? А ведь в Океане мелькали слухи, будто проблемку решили.

– И сразу на поток? В глухой провинции, на задрипанном заводе.

– Во-первых, не такой задрипанный – «машиностроительный гигант» в недавнем прошлом. Во-вторых, не учитываешь человеческий фактор. Говорю же: со здешними чинушами что-то стряслось!

– Скачком поумнели, да?

– И это тоже нельзя исключить. По крайней мере один такой феномен мне известен: Калида. Незадолго до гибели он сделался едва не гением.

– Шутишь!..

– Ты знаешь, что такое оперативная память?

– Ну, – подтвердил Гувер не слишком уверенно.

– Говоря грубо, это число мыслей, которые умещается в башке разом. У большинства людей она мизерная – отсюда их двоемыслие. То есть они верят во взаимоисключающие понятия, поскольку охватить их вместе не могут. Так вот, оперативка Калиды превышала норму на порядок.

Чуть не ляпнул: «превышает». О Голове лучше не распространяться. Доверишься одному – и пошло-поехало...

– С чего вдруг?

– Долго объяснять. И все равно не поверишь – доказательств у меня нет.

– А все ж таки?

– Изменилась здешняя среда, понимаешь? Соответственно меняются отношения. И чем ближе люди друг к другу, душевно или по крови, тем прочней связи. А при максимальном подобии их сознания будто сливаются.

– Ну, сказанул!..

– Не хочешь – не верь. Только не оказалось бы поздно, когда подтверждения все ж появятся.

– По-твоему, это общее правило? – спросил Гувер. – Я хочу сказать: действует ли оно на всех? Может, в этом и причина нынешнего расслоения?

– Надо быть ближе к народу, полкан, – осклабился я. – Тогда б не спрашивал. Бери пример с меня.

– Ну да, ну да... Тоже мне, народник!

Лишь бы ответить. Впрочем, Гувер никогда не блистал реакцией. Зато въедливый, этого не отнять. И понимает многое, если разжуешь.

– Тебя не удивляет нарастающая эффективность губернских силовиков? – сказал я. – До сих пор высокие профи присутствовали разве в беллетристике и ваших самовосхвалениях, а как доходило до дела... Тут вас и макали по самые уши!

– Ну, ты... не очень-то.

– А вот здесь решили сказку сделать былью, – пренебрег я. – В прежних структурах, аморфных и рыхлых, стали возникать скелеты, и с каждым днем костяк делается прочней. Конечно, лохи преобладают, но сквозь них уже не пройдешь, как сквозь масло, – где-нибудь да напорешься.

– Чего это тебя в образы занесло? – пробурчал Гувер недовольно.

– Для наглядности. Нарисовалась картинка-то?

Помолчав, он со вздохом уступил:

– Ладно, попытаюсь разузнать по своим каналам. Но и ты, Шатун, про меня помни. И ты запись, с летуном, перешли, ладно? Информашка занятная.

После Гувера, пока не кончился завод, я позвонил Гаю, лучшему из моих приятелей. Видом тот смахивал на гнома, неуклюжего и нескладного, зато симпатичного. Как репортер, Гай был известней по стране, чем в губернии, но упорно не желал покинуть город, вполне серьезно рискуя жизнью, – слишком многим он прищемил носы. Насколько мог, я обезопасил упрямец, даже подключил к охране парней из фирмы «Друг», но гарантий это, понятно,

не давало. Да и кто сейчас в безопасности? Бежать надо отсюда – со всех ног. Если бы меня тут ничего не держало!..

Гай тоже выглядел неважно, хотя по иной причине: его опять одолела хворь. Он вообще подвержен болячкам, непонятно как ухитряясь простужаться в такую жару. Немалый его нос еще разбух и зашершавился, истертый носовыми платками, а рот приоткрыт для лучшей циркуляции.

Впрочем, для Гая такое состояние было привычным.

– Что поделываешь? – спросил я.

– Сейчас? – уточнил он, деликатно шмыгая. – Готовлю себе, любимому. Вдруг захотелось жрать – не глядя на ночь.

– А женщины на что?

– Ну, как, – сказал Гай застенчиво. – Разве не знаешь?

– Твоя версия?

– По-моему, им надо поклоняться, как средоточию красоты на Земле. И лучше молиться на них, чем на раскрашенную деревяшку, запихнутую в угол. А кухарничать я могу и сам.

– Ага, они лишь и ждут этого! – проворчал я. – Кстати, как Карина?

По моей просьбе Гай приютил у себя певичку кабаре, популярную больше своими формами, чем голосом, – бывшую мою пассию, очередной раз влетевшую в беду. Против ожидания, Карина прижилась в его конуре без особенных трепыханий, даже навела там подобие порядка – конечно, на свой лад. И выезжать пока не стремилась. К тому ж Гай не их тех, кто претендует на многое, – ему и видеть довольно. Хотя от большего не откажется, если предложат. (А кто бы отказался? Такая сокровищница!..)

– Вроде не жалуется, – ответил он, улыбаясь не без смущения.

Кажется, Гай до сих пор считал, что я имею тут интерес. Хотя к Карине у меня остались лишь обязательства.

– Из дома по-прежнему не выходит?

– По-моему, ей хватает телевизора, чтобы не скучать.

Украдкой он вздохнул, наверняка понимая, что долго это не продлится. Не такой у Карины нрав, чтобы жить затворницей.

– Пора устроить допрос, – сказал я. – А то затаилась, как неразорвавшаяся бомба, – в любой миг может рвануть!

– Помнится, раньше ты не влезал в чужие дела.

– Эти дела касаются слишком многих, – возразил я. – Что еще за Дворовые тайны? И с Луцом шутки плохи, даром что карлик. Там вообще плохо понимают юмор.

– М-да, Луценко, – молвил Гай задумчиво. – Занятный персонаж. И тоже ведь возник ниоткуда.

– Собственно, почему тоже?

– Да потому, что и про Крокина, главу сторожевиков, я ничего не смог узнать.

– Силовики, мать их, – скрытные!.. Валуев, правда, прослеживается с рождения. Зато его, говорят, будто подменили в последнее время.

– Кто говорит? – заинтересовался репортер.

– Клер.

– О! Уж она должна знать.

– Старикан искусал ее до крови – ни с того, якобы, ни с сего.

Гай даже присвистнул:

– Тенденция, однако!

– Не у всех она протекает настолько бурно.

– Так ведь нормальный и не пойдет в органы – тут нужен особый склад.

– Ну, коп все ж таки не чета «бесу», – возразил я. – И сейчас меня больше заботит Луц. Что известно о его конторе?

Репортер пожал плечами:

– Дюжина отделов, в каждом по дюжине агентов, не считая начальника. Забавно, да?

– Сакраментальное число. Хорошо, их полторы сотни, а не шестьсот шестьдесят шесть.

– Для губернии хватит. Более чем.

– И свои дела вершат под покровом ночи... Кстати, на меня опять напали.

– Господи! – испугался Гай. – Теперь-то по какому поводу? Или повод уже не нужен?

– Пожалуй, что был. Я как раз проявил интерес к Компании, поспрашивал кое-кого. Мне показалось, что для объема продукции, о котором известно, там задействовано слишком много – площади, материалов, людей.

– Ну, если учесть эффективность рабского труда...

– Даже и тогда. Знаешь, сколько энергии потребляет завод? А какая там ограда, ты видел? И охрана!.. Секретность – по высшему разряду. Что ж они производят: оружие, наркоту?

– Вполне может быть.

– Но на сторону похожего не уходит – все чинно, пристойно. И охраняют поставки вовсе не с тем пылом. Значит, самое дорогое откладывают для своих нужд? Если предположить, что это такие же шлемы, комбинезонах, бластеры, не говоря о летунах... Представляешь, какие возможности открываются? А еще вспомни беднягу, который снабдил меня своей оснасткой. Может, Компания производит не только супероружие, но и сверхлюдей?

– Ой, это перебор!

– Не знаю, не знаю, – сказал я, потирая ребра. – Если бы тебя так лягнули... В любом случае, туда стоит наведаться.

– Разведка боем, да? Не искушай судьбу, Род. Сколько раз за последнее время ты побывал на краю!..

– Предлагаешь дожидаться, пока нарыв лопнет? Вот тогда, действительно, везение кончится.

– Ведь можно привлечь кого-то.

– Я и привлекаю – тебя, Трофима, Аскольда... Есть еще кандидатуры?

Беспомощно Гай пожал плечами, жалостливо вздохнул.

– Не гляди на меня, как на дорогого покойника, – сказал я. – На тот свет не спешу. Собственно, я лишь выбираю из двух зол – ничего героического. Когда за спиной смерть, можно сигануть и через пропасть – с испугу. Ты вон рискуешь не меньше, влезая в здешние склоки. Кстати, Дворовые не наезжали?

– Если бы с Океаном меня связывала провода, их давно б перерезали, – усмехнулся Гай. – Наша правительственная банда не лучше любой другой.

– Тебе бы убраться отсюда, – который раз предложил я. – Хотя б на время, а? Пока не утрясется.

– Ты ж не уезжаешь?

– Между нами есть разница. Видишь ли, я плохо гожусь на роль жертвы.

– Если ты прав насчет гостей, – возразил Гай, – то даже такой зверь, как ты, им навряд ли мышши.

– За мышью еще надо гоняться, а тебя прихлопнут не напрягаясь. Ты еще веришь в мои предчувствия?

– Как говорится, «чему быть...» – бодро сказал он.

– И дурак, – буркнул я. – Миновать как раз можно – если не пускать на самотек.

– Закроем тему, ладно? – попросил Гай. – Все равно никуда не ведет.

– Мое дело – прокукарекать. – Помедлив, спросил: – Может, денжат подбросить?
– Спасибо, Род, хватает пока.

Хотя об этом лучше говорить с Кариной – уж она не стесняется просить. Но сейчас она, конечно, спит. И пусть себе.

– Тогда спасибо за внимание. Звони, если что.

Думаете, на этом программа кончилась? Если бы!.. Только прекратил болтать с Гаем, как поступил новый вызов. Увидев номер, я поморщился: вот уж к кому сам бы обращаться не стал. Отвечать не хотелось, но куда денешься?

В этот раз Грабарь и вовсе смотрелся развалиной. Действительно, взялись за старого – врагу не пожелаешь. За неполный месяц лишился трех сыновей. Эдак его Семья вскоре останется без наследников.

– Слыхал? – осведомился он сипло.

– Еще бы!..

– Ну, кто?

– Сам бы хотел знать. Но пока глухо. Орудует кто-то ушлый – не мой уровень, понимаешь? Конечно, я делаю, что могу.

– Это Аскольд, да?

– Слушай, Грабарь, – сказал я. – Погибли дети, слуги – это ж беспредел! Думаешь, я стану покрывать убийцу? Аскольд ни при чем.

– Кто-то должен за это платить, – процедил старик с угрозой.

Вот с терпением и у меня сложности.

– Хочешь сорвать злость на мне? Ну, давай!.. Только помни: если это не раскручу я, другие и вовсе завязнут.

Следующему звонку я не удивился – уж такая выдалась ночь. Взамен изможденного лика Грабаря на экране возникла совсем иная физиономия: смуглая, горбоносая, с усами и баками, как у индийского раджи. Принадлежала она главе горского рода и уже метала пламенные взоры из-под густых бровей.

– Чего хочешь от меня, Амир? – в упор спросил я. – С твоим обидчиком я посчитался – отсекаю башку в лучших традициях муселов. И с девицей говорил, передал пожелания... Но воловь Айгуль назад, чтоб ее отдали в наложницы? Не в моих это правилах, ты знаешь.

– Значит, не выполнил заказ, – упрямо сказал горец.

– Значит, мы поняли его по-разному! – рявкнул я. – Сговорились, что ли? Оказывается, и тебе должен!.. Ну так я приеду, и проведем полный расчет.

– Пугаешь, да?

– Лучше самому начать.

– Ладно, – прорычал он, – еще встретимся!

– И я о том, – подтвердил, обрывая связь.

Но тут же ко мне прорвался Аскольд. «Сегодня мы не на параде», ага. А как еще это назвать? Выставкой главарей?

– Не спишь? – спросил Аскольд, словно я мог разговаривать с ним во сне. – Мы тут взвесили всё...

– И?

– ... и я решил, что уж на «шмель» ты заработал.

– Что, и не больше?

– Или на треть «Малютки», – усмехнулся он. – Сможешь выкупить остальное?

– Считать надо.

В самом деле, на это моей налички не хватит – разве продать кое-что. И так ли нужна мне «Малютка»? Не до прогулок ныне, тем более под водой.

– Ну, считай, – разрешил главарь. – Что до «шмеля», могу доставить хоть завтра. Гуляй, Вася!.. В смысле, порхай.

– Кстати, – вспомнил я. – К вопросу о Компании...

– Ну?

– Посмотри-ка на это.

И показал вечернего налетчика, для большей наглядности замедлив запись.

– Ни фиги себе, – произнес Аскольд. – Как же оно летает? Ни крыльев, ни винтов.

– А знаешь, какие ускорения накручиваются? Ни один мотор не вытянет – не говорю уже про пилота.

– Наводит на мысли, а?

– Надеюсь, на правильные, – хмыкнул я. – Или и тут усматриваешь добычу? Смотри, волчина, не порвалась бы пасть!..

– Уж как-нибудь.

Я поглядел на него с сомнением. Едва не каждый год кто-то из моих знакомых переходит в разряд «покойных», а ведь не старики еще.

– Слушай, Аскольд, – неожиданно сказал я. – А если подряжусь добыть Дика, выдашь под это дело «Малютку»? Ведь он крепко досаждаст вам, и счетец к нему имеется. А как Дик смотрелся бы среди твоих трофеев!..

Задумавшись ненадолго, главарь покачал головой:

– Риск, Шатун. А если он добудет тебя раньше?

– Ну, ты жлоб!.. Я-то рискую жизнью.

– Так ведь каждый решает за себя, – ухмыльнулся он. – Может, я ценю «Малютку» выше, чем ты – свою жизнь?

– В таком разе кто-то из нас – псих, – заметил я. – Интересно знать, кто?

Глава 5. Смотрины

Экран потух, и несколько секунд Аскольд упирался в него взглядом, не обращая внимания на сестер, призывно улыбающихся с постели. Этот тип умел довести до каления!.. Своим надменным видом и прищуренным взглядом, своим голосом, равнодушным и бесцветным, своими воззрениями – тем более обидными, что сам от них не отступал. Своим бесстрашием и тем, какого страха мог нагнать на других. Он ведь впрямь мог сделаться опасным. (Аскольд вспомнил, как покрылся мурашками, когда Шатун, будто невзначай, нацелил на него бластер, – точно медведь рывкнул над ухом.) Давно следовало бы сделать ему укорот... если б он не был так полезен. И надежен, черт возьми! Это у Шатуна не отнять. А на многих сейчас можно положиться?

Если уж резать правду, без его советов Аскольд не вознесся бы высоко, да и выжил бы вряд ли – слишком многим он пересек путь. В гардии Семьи, конечно, ушлые парни, но не будь она на шагок впереди остальных, в ее обороне наверняка сыскалась бы брешь. Уж на что самолюбив Конрад, их боевой вождь, но и он консультируется с Родом едва не каждую неделю.

Правда, рекомендации Шатуна относятся лишь к обороне – еще один его бзик. А попробуй Аскольд нарушить Предел, Род повернется к нему спиной. Эдакая ходячая честь! И ведь не прибеешь, как доставучего пса, – выйдет себе дороже. Род словно пребывал в ближнем будущем и отстегивал от своих щедрот тем, кому благоволил, приближая к себе на пару годков. Но вполне мог выставить из фаворитов и уже поступил так не с одним.

«А может, хорошо, что меня сдерживают? – кольнула внезапная мысль. – Шатун, Лана... Иначе доигрался бы черт знает до чего».

Еще и Лана, да. Вот этого Аскольд простить не мог. Он так старался, чтобы женщина ушла к нему, и в конце концов добился, чего хотел. Но радости это не принесло – никому из троих. То ли мнилось Аскольду, что его все время сравнивают, то ли так было на самом деле. А потом Лана ушла – внезапно, среди ночи. Выпрыгнула из окна спальни в море и сгинула для всех... кроме Шатуна. Хотя он и молчит, когда речь заходит о Лане, но наверняка знает про ее нынешние дела. Она и отсюда названивала Роду через день – спрашивается, зачем? Чего ей не хватало тут!..

Сбросив халат, Аскольд разлегся меж двойняшек, и тотчас те придвинулись к нему, с охотой возобновляя игру. Их преданность к себе он взращивал долго, зато теперь не опасался предательства. Где угодно, только не здесь! Мила и Тина – самый внутренний его круг: сразу защита и помощь, и услада. Кроме хозяина сестры любили только друг друга, хотя и это вызывало у Аскольда ревность. С другой стороны, иначе бы им не было настолько хорошо втроем – всегда приходится чем-то жертвовать.

Насладившись до изнеможения, главарь наконец уснул. И спал, пока к нему в покои, как и обычно, не заявился с докладом боевой вождь. Упругой поступью Конрад приблизился к столу, опустил в кресло. Хотя он считался в Семье вторым после Аскольда, лишнего себе не позволял – одно из многих его полезных качеств. А на двойняшек, разгуливавших по комнате нагишом, обращал внимания не больше, чем на мебель.

– Есть не хочешь? – предложил главарь.

– Уже.

– А выпить?

– Шутишь?

Аскольд усмехнулся. Стараясь удержаться в первых бойцах, Конрад фанатично следовал режиму. А вольности Семейного главы молча осуждал: дескать, какой пример для молодняка!.. Вот пусть и подает – за двоих.

- Что-нибудь выяснил насчет Компании?
- Кивнув, вожак счел нужным добавить:
- Наверняка меньше, чем можно узнать у Шатуна.
- Конечно, Род сведущий товарищ, – не стал отрицать Аскольд. – Но шибко инициативный. Ни к чему подбрасывать ему лишние козыри.
- Мои ребята оглядели периметр, – сказал Конрад. – Страж-система выстроена грамотно, обычными способами не пройти. Конечно, можно взорвать...
- Ну, это перебор!
- Тогда подкоп – займет пару суток.
- Или?
- Махнуть туда на «шмелях». Ложной атакой стянуть сторожевиков на одну сторону, а через другую устроить воздушный мост, сразу перерубив сигнализацию. Правда, «шмели» не поднимут много и мало их...
- Кстати, взгляни на это. – Аскольд прокрутил на экране запись, пересланную Шатуном. – Покруче любого «шмеля», верно?
- Намного, – признал Конрад. – Даже не верится.
- Не сомневайся, – хмыкнул главарь. – Источник надежный.
- Там все иное: оружие, броня!..
- Кроме самой машины. Знакомые обводы, да? Хорошо, если опытный образец. А если уже запустили на поток? Чем тогда сможем возразить?
- Подумав, вожак ответил:
- Ну, хороший залп, наверно, и такая Защита не выдержит – раз летун испугался пальбы. Установить на крышах больше стволов, устроить засады...
- Лучше разжиться такими же летунами – вот тогда мы себя покажем!
- Но если сторожевики Компании оснащены этим...
- А если нет? Зачем им высвечиваться до срока?
- Так ведь высветились уже, – кивнул Конрад на экран.
- Вчера вечером. Пока просекут да примут меры... Знаешь, старичок, – решил Аскольд, – готовь акцию на завтрашнюю ночь. А заодно начинай подкоп – как запасной вариант. Ну и прочие меры прими, какие считаешь нужными. Ты же у нас военный вождь!..
- Потребуется лучшие бойцы. Вдруг нарвемся на тварей... С ними разве Киря может совладать, а он хворый.
- Не слишком ли долго Киря прохлаждается? – спросил главарь. – Или понравилось?
- Побойся бога, Аскольд. Парню же ногу прострелили!
- Ведь молодой – на них быстро заживает.
- Все ж не как на тварях. А Киря даже не берсерк вроде Шатуна.
- По-твоему, Род сам наполовину оборотень?
- Так он не скрывает, что внутри – Зверь. Иначе как бы выживал?
- Да уж, в живучести ему не откажешь, – согласился Аскольд и сменил тему: – Про Кадия ничего не всплыло?
- Глухо, – пожал плечами Конрад. – Улик никаких, зато версий – девать некуда. Вот если бы Шатун взялся...
- Не возьмется. Как и тебе, ему на Кадия плевать.
- Кабы не это, покойник и столько бы не прожил.
- Он был предан! – отрезал главарь. – Ударивший по нему метил в меня. Но кто, Конрад, кто?
- Да кто угодно. От твоих близняшек до торгаша Виктора. Уж врагов у Кадия хватало.
- Это Грабарь – я знаю!
- Откуда? – спросил вожак. – Фактов – никаких. А коль и были бы...

– Что тогда?

– Если бы в тебя метил Грабарь, он, понятно, мог бы промазать – но ведь не настолько? Старикан пока не выжил из ума.

Аскольд едва сдержал ругань: надо ж, у каждого свое мнение! Скоро и сестры станут пререкаться с Главой. Вот Кадий не стал бы возражать. Хотя был глуп – это точно. «Умные нам ненадобны», – всплыла фраза. Откуда? Но сказано верно. У Семьи должна быть одна голова.

– Ладно, старичок, – сказал он. – Мы сведем наши счета потом. Сейчас нужно вернуть дельце с Компанией. Вот когда обзаведемся такими же летунами... По-моему, всё обговорили?

Кивнув, вожак поднялся и направился к выходу. Очень уж он деловитый. В фамильярности не замечен, но мог бы выказывать Главе больше почтения. И на Лану, помнится, глядел слишком пристально... А ведь Шатун как-то подметил, что правителей часто приканчивают собственные гарды. Не пора ль и Конраду устроить проверку на лояльность? Такую ма-аленькую провокацию... Ладно, погодим. Пара-то деньков еще есть.

Тем более, что сегодня должно была состояться встреча, о которой в Семье знал лишь главарь. Еще прежде, чем городок этот сделался столицей края, Аскольд неплохо уживался со здешним мэром Хруновым. Когда сюда въехал Двор, того неожиданно повысили, назначив главным чинушей и помощником губернатора, но старые связи не прервались, поскольку были выгодны обоим. И вот вчера Хрунов выступил с предложением, от которого трудно отказаться: устроить встречу с самим Алмазиным. И даже не во Дворе, а у себя в ратуши – так сказать, на нейтральной территории (ну, почти). Правда, Шатун предупреждал, что с губернатором лучше не затевать дел, – но кто он такой, чтоб его слушать? Всегда лучше полагаться на собственные впечатления.

К ратуши главарь подкатил вдвоем с Милой, поручив Тине прикрывать тылы. Для поездки он выбрал стандартный броневик, а из высотника Семьи отбыл без лишней помпы – на случай, если Грабарь ищет к нему подходы. Зато встретили Аскольда с почетом: сам Хрунов не поленился выйти к парадному входу, хотя был стар и тучен. И он же повел гостей в свой кабинет.

Переваливаясь как пингвин, Хрунов топал по коридору и, перемежая фразы пыхтением, бубнил о наболевшем, делился редкими мыслями. Даже вспоминал чего-то – видно, полагал свой опыт поучительным для молодежи. Аскольд следовал рядом и старательно изображал внимание, хотя почти все пропускал мимо ушей. А в голове вертелась фраза: «Кто больше пыжится, тот больше лебезит». И про кого это, интересно?

Его сильно раздражал галстук, обязательный в здешних сферах, и тугой сюртук, невыносимый в такую жару, и тесная обувь. А Хрунов будто родился в чинушей форме, переплюнув везунчиков с рубашками. Или сжился с ним за столько лет. Наверно, он и в постель брякается, не вынимаясь из футляра.

Рослый детина в нарядной ливрее распахнул дверь и поклонился им, как благородным. Не удержавшись, главарь хмыкнул: а приятно, черт возьми!.. Уважают, да? Хорошо, пока хватает юмора не принимать это всерьез. «Кто больше пыжится...»

Миновав придверного, Аскольд обернулся, оглядел его и сзади. Этот здоровяк, хоть и вышколен, больше смахивал на гарда. Сквозь ливрею явственно проступал клинок, а подмышкой вполне мог прятаться пулемет, не то что какая-то пукалка. И на входе пара мордоротов – стережется Клоп.

Впрочем, у главаря тоже имелась охрана: Мила. И не такая плохонькая, если глядеть в суть. Девчонка прошла у Шатуна полную выучку, на какую у самого Аскольда не хватило ни времени, ни упорства. И могла единым ударом своротить с ног громилу, хотя смотрелась безвредной цыпочкой.

В кабинете оказалась прохладно и сумеречно, точно в погребе. Высокие окна зашторены, вдобавок прикрыты жалюзи, пропуская лишь рассеянный свет. Под потолком тихо гудели кондиционеры, гоняя по комнате ветерок. Теперь Аскольд даже порадовался, что зашел сюда не в рубаше, – от такого перепада можно схватить простуду.

Алмазин ждал их, рассевшись во главе длинного стола. Напустив на себя важность, он старался держаться чинно, но и пяти секунд не мог усидеть спокойно, будто его черт щипал. Губернатор был много мельче и заметно моложе Хрунова. Лоб восходил по вискам изрядными залысинами, а густые, похожие на каблучную подкову усы, плохо сочетались с узким лицом. Как и огромные уши, смахивающие на олады.

Навстречу гостям Клоп все же поднялся, быстро пожал обоим руки влажной ладонью и тут же снова плюхнулся в кресло.

– Вот, значит, вы какой, – сказал он, искоса разглядывая Аскольда. – Наша, можно сказать, смена!..

Судя по улыбке, которую Алмазин пытался выдать за отеческую, он вполне обошелся бы и без смены, во всяком случае пока жив. А его будущее плавно вытекало из настоящего – все вверх и вверх, ступень за ступенью. К тому ж выглядел он как огурчик, многих переживет. Но пококетничать надо, как же без этого? Таковы традиции.

– Бог с вами, Аркадий Львович, – ответил Аскольд, тоже улыбаясь. – Зачем нам «поперед батьки»?

– С нами Бог, да, – рассеянно согласился Клоп, взглядом рыская по его лицу. – Как же иначе?

И сам главарь осторожно наблюдал за подвижной ряхой хозяина, на которой каждую секунду менялись выражения. Аскольд считал себя неплохим физиономистом – это помогало ему в делах. Некоторые (тот же Шатун) умели строить непроницаемые мины, а тут всё читалось, как с книги. Но такой шквал впечатлений оказался не лучше штиля. И вычленив главное из обрушившейся лавины было еще трудней, чем пробиться сквозь глухую защиту. А в один миг Аскольд увидел такое, от чего в сознании всплыли слова: «Жалкий червь! Будешь служить мне или умрешь. Преклони колени!..» А это из какой сказки? – подумал он изумленно. Вот это и есть «главное»?

Во всяком случае, в показушном радушии Алмазина присутствовал напор. И энергии в этом плюгавчике невпроворот – через края плещет. Но в образ Клоп пока не вошел, лишь подбирает себе подходящую вывеску, пробует – то, се. А разговор, как водится в чинушских кругах, повел издалека.

Сперва, для разминки, прошелся по торгашам:

– Эти лавочники слишком возомнили о себе!.. Если накопили средств и не хотят делиться, значит они-то и есть настоящие грабиль.

Этим доводом и Аскольд пользовался не раз. Ха! – подумал он, оживляясь. А у нас и впрямь много общего.

– Пусть себе балуются, заигрывают с губернским людом, – сказал Клоп о Народном Собрании. – А мы тем временем выстроим такую пирамиду!..

И оппозицию не забыл:

– Эти подонки, которые зовут себя либералами, поборники общемировых ценностей... Свободу им подавай – ишь! А дерьма искушать не угодно?

В выражениях губернатор себя не стеснял, своих противников крыл почему зря – и впрямь «верный ленинец». А как умеет спланивать вокруг себя стаю!.. Любопытно позабывает.

– С вольницей пора кончать, – бросал хозяин, точно с трибуны, и при этом энергично рубил воздух. – Хватит, порезвились!.. Довольно каждому грести под себя, общественные

нужды должны выйти на первый план. Кто, если не мы, позаботится о народе? Люди ж – как малые дети.

В Аскольде крепло подозрение, что большинство этих фраз он уже слышал – в трансляциях, на сборищах разных уровней. Словно бы Алмазин, не мудрствуя, заимствовал фразы, где только можно. А заодно и сам делился мыслями, какой хочет видеть Россию, – прямо поветрие. Хотя иногда его уносило в такое, что не понять: то ли Клоп бредит, то ли придуривается. То ли впрямь идиот.

Но мало-помалу речи Алмазина делались конкретней.

– Пора устраивать Большую Чистку, – среди прочего заявил он. – Помните Мойдодыра? Мочалок командир, вот именно! И каждому придется выбирать, то ли он станет чистить, то ли его... хи-хи... станут.

И наконец, речь зашла о главном:

– Как говорится, у нас товар, у вас... э-э... купец, да? Точнее сказать, налаженные каналы доставки и сбыта. В наше время они значат едва не больше производства – видите, я с вами откровенен? И если поладим, вы сможете преуспеть в масштабах, несравнимых с прежними.

– А почему вы обратились ко мне? – помедлив, спросил Аскольд. – Ведь есть рядом и другие... скажем, Грабарь.

– Ваш... э-э... коллега слишком негибок, понимаете? Тут нужен человек решительный, разворотливый. Вот вы умеете работать. Как с Калидой разобрались, а? Чувствуется почерк мастера. Тогда ж и Носач сгинул, вместе с ближними родичами. Сбили на самом взлете, и – никаких следов! А кто уцелел, быстренько примкнул к вам. Теперь с вами может состязаться разве старый Грабарь. Но мы поможем убедить его и прочих... э-э...

– ... коллег, – хмыкнул главарь. – А что за «товар»: ходовой?

– О-о, по высшему разряду! С руками оторвут, будьте покойны. Образцы можем предоставить хоть завтра.

Аскольд даже глаза прикрыл, чтобы не выдать себя их блеском. Вот он – мой шанс, подумалось ему. Сколько я дождался!.. На таких делах и наваривают миллиарды.

– Оружие, да? – решил проявить осведомленность. – Из тех, что плюются молниями.

Алмазин поглядел на него с уважением, но подтвердить или опровергать не стал. Аскольд усмехнулся понимающе.

– А еще, верно, леталки на антиграве? – прибавил он.

– Ого! – оценил губернатор. – И о них знаете?.. Но я про это не говорил, – спохватился он и хихикнул: – Вообще, мало ли что мелькает над головами? Лишь бы не гадили!

– Дело-то нешуточное, – сказал Аскольд. – А куш такой, что многие потянутся. Федералов не собираетесь привлекать?

– А зачем нам федералы? Край здесь благодатный, порты имеются, даже на суше граничим не с одной страной. Так что блокада не страшна, а против введения войск найдутся средства. Еще месяц-другой, и мы сможем диктовать условия кому угодно.

Звучало это убедительно. Правда, сами федералы могли думать иначе.

– Но пока сила за ними, – возразил главарь. – А там тоже есть умелые игроки – столица все ж таки!

– В этих играх побеждает тот, кто играет не по правилам, – наставительно произнес Клоп. – Точнее – вовсе без правил. Вспомните историю, хотя б и нашу. И почему на ней никто не учится?

– Ну почему? Скажем, о Наполеоне я...

– Читайте социалистов, – перебил Алмазин. – Там все есть.

– Национал или большевиков?

Подумав, губернатор ответил:

– Всех.

Хрунов давно обмяк, смежив глаза в щелки, и будто дремал, чуть слышно посапывая, – сказывался опыт. Но при этом наверняка не пропускал мимо ушей важное. И черт с ним.

– Все-таки я не понял, Аркадий Львович, – сказал Аскольд. – Вы что же, надумали отделяться?

– Чтоб заделаться в нашей деревне первым парнем? Родной мой, я не плаваю так мелко, я – глубоководный зверь, к тому ж из крупных... навроде кархародона. И на аппетит не жалуясь. Там, – Алмазин ткнул пальцем вверх, – мне потребуется команда. А уж я доберусь туда, будь спокоен. Вопрос в том, с кем мне окажется по пути, а кого...

В этот момент дверь отворилась, и в кабинет проник новый персонаж. Видел Аскольд его впервые, но сразу признал Луца, шефа губернских «бесов».

– Вот и наш оплот! – обрадовался Клоп. – Можно сказать, главный врачеватель народных недугов.

Уж это точно, прибавил Аскольд мысленно. Можно даже сказать: хирург.

«Оплоту», видно, досталось в молодые годы. (Пытали его, что ли? Ага, в царских застенках.) Выглядел он едва не горбатым, к тому ж скособоченным, будто под изрядной тяжестью, а при ходьбе ковылял так, точно хромал сразу на обе ноги. К сморщенному личику прилипла улыбка – похоже, неподдельная, – глаза оживленно блестели. Чувствовалось, что служба ему в охотку.

– Вот пример человека на своем месте, – заметил и Алмазин. – Уж Агий-то Геннадьевич к работе относится с душой.

Луценко устремился к свободному креслу, не без труда водрузился на сиденье, огляделся заинтересованно. Даже в сравнении с Клопом он выглядел карликом. Да и кто рядом с Луцом не покажется верзилкой?

– А много ль работы? – поинтересовался Аскольд.

– Ой, хватает, – застенчиво признался мальш. – Знаете, все-таки не любят у нас порядок. Кто постарше, хотя бы бояться не разучились. Но вот молодежь остеречь... Видно, каждому надо ожечься самому.

– Почти все по младости возмущаются тиранией, – изрек Алмазин. – Некоторые даже бороться пробуют, призывают низвергнуть. Пока сами не распробуют власть. И вот тогда мозги встают на место. Что характерно: ни один из революционеров не произошел из царевичей. – Вскинув палец, он торжествующе оглядел слушателей. – Зато сколько там обиженных!

Аскольду вспомнилась байка про Дракона, столь любимая Шатуном. Что ж, иногда и самого Дракошу послушать не вредно. А еще лучше – примерить на себя его шкуру. Хоть и опасно, говорят. Но мало ли что болтают?

Тут дверь опять открылась, и в комнату вступил митрополит Ювеналий – эдак по-простому, точно к приятелю заскочил. Выглядел он молодцевато, будто строевой офицер, шагал размашисто. Без лишних церемоний подсел к столу, с любопытством посмотрел на гостя. Ну вот, еще один оплот подоспел – главный губернский идеолог. Как же без идеалов? Не одни, так другие: свято место не пустует.

А вдохновленного возросшей аудиторией Клопа опять понесло, словно полноводной рекой. Вернее, он сам смахивал на поток, который не остановить простому смертному, сколько ни старайся, и даже противиться трудно. Смысл уже не играл роли, но некоторые фразы цепляли сознание, запоминаясь против воли. Среди прочих корябнула это:

– Слышал байку про воробья, корову и кошку? Там главная мораль следующая: «Коль сидишь по уши в дерьме, не чирикай!»

Несмотря на кабинетную прохладу, Аскольда прошиб пот. Возникло ощущение, будто угодил в западню. Этот безудержный говорун постепенно захватывал над ним власть, точно

набрасывал крючок за крючком – крохотные, едва ощутимые. Но когда счет их идет на сотни... Что там сотворили с Гулливером лилипуты, когда застучали спящим?

Единственный якорек оставался рядом – Мила. Уж она не предаст, будет драться за него до последнего. И почему не взял обеих сестер? Переоценил, переоценил себя!.. Как говаривал тот же Шатун: «Не лезь в чужой огород – козлом станешь». Глупо! – с тоской подумал Аскольд. Я даже не позаботился об отходе.

И тут в его кармане заверещал телефон. Алмазин тотчас умолк, будто от изумления, даже хлопнул пару раз ресницами. Наверняка здание экранировали от сторонних звонков, но на такой аппаратик вряд ли рассчитывали. Через силу Аскольд зашевелился, сунул руку в карман. Невнятно извинившись, поднес трубку к уху.

– Говорил тебе, не влезай, – раздался из нее голос Шатуна. (Вот уж действительно: помяни черта!) – И что теперь: подмогу вызывать?

Локаторы Алмазина явственно напряглись, словно бы он мог подслушать разговор даже со своего места.

– Н-нет... – выдавил Аскольд. Не стоит начинать военные действия лишь потому, что ему стало худо. Может, перепад температур так подействовал?

– Имей в виду: не покажешься через пять минут, садану по окну гранатой – и «пропадай моя телега»!.. Где кабинет Хруна, я знаю. Скажи: у тебя срочная надобность, – и сваливай. Счет пошел.

В другое время Аскольд не потерпел бы такого тона от одиночки, но сейчас испытал облегчение, что за него решили. Ему и требовалось сложить свою волю с другой, пусть не такой уж дружественной, чтобы сорваться с крючков. Скопив глаза на окно, он увидел «стрекозу», нахально зависшую перед самым стеклом, – и туда же посмотрел Клоп, будто контролировал уже каждый его жест.

– Я извиняюсь, – пробормотал Аскольд, на всякий случай не отключая связь. – Стряслось такое!..

С натугой он поднялся и на ватных ногах заковылял к выходу, спиной чувствуя сожалующий взгляд губернатора. Наверное, тот расслышал угрозу Шатуна, поскольку даже не попытался задержать гостя.

«Это называется магнетизм! – думал главарь ошеломленно. – Говорят, у Адика такого добра было через край. И у Кобы. Или так влияет на людей большая власть, а уж кто там ее носитель!.. Интересно, когда Алмазина скинут, куда денется его сила?»

Пока вместе с Милой шагал по знакомому коридору, ему вспомнилась вторая мораль из помянутой Клопом байки: «Не всяк тебе друг, кто из дерьма вытащит». Конечно, в навозе теплей, а снаружи могут слопать, – но вот запах... И кто тут воробей, а кто кошка? Не говоря уже о корове.

Броневик поджидал их около парадного крыльца. Лишь очутившись в кабине, Аскольд окончательно восстановил власть над телом и вернул уверенность. За управление села Мила, непроницаемая точно кибер. Но с места взяла резвей обычного – значит, и ее проняло. Может, слабость Главы она тоже заметила? Вот это нам ни к чему. А если о таком проведает еще кто-то...

Тут их опять позвал Шатун, а через секунду он уже глядел с экрана, насмешливо шурясь.

– Что, крутарь, накушался чинушьих откровений? – спросил он. – Особая раса, верно? Или тебе это близко?

– Выходит, ты подслушивал меня! – возмутился Аскольд.

– «Выходит, меня изнасиловали», – хмыкнул Род. – Или не успели еще? Ну хоть теперь ты понял, куда влез?

– И куда?

Наклонив голову, Шатун оглядел главаря, точно редкий экспонат.

– Знаешь, что такое кархародон? – спросил неожиданно.

– Ну?

– Это ископаемая акула размером с кита, в пасти которой можно прогуляться, не наклоняясь. Рядом с ней любая «белая смерть» покажется форелью. А самое забавное, что она дожила-таки до наших дней.

– И что?

– А то, что ты против Клопа, как афалина против кархародона. Или вообразил себя Моби Диком?

Вспомнив губернатора, Аскольд содрогнулся. Этот человек наводил ужас, хотя вовсе не походил на персонаж кошмара.

– Но ты ж его не боишься? – сказал главарь.

– А мне что он, что ты – один черт. Я в иной системе координат... Кстати, чего он хотел от тебя? Что предлагал, чем заманивал?

– Говорил, поставлю над внешторгом, если...

– Что?

– ... если присягну на верность.

– Надо ж, и при Дворе те же игры!.. Или это не игры?

– А что тогда?

– Зачем тебе знать? Ты ж не веришь в мистику.

– Сейчас я и в черта поверю.

– Тогда представь, что клятвы там не пустой звук, а официальный договор.

– С дьяволом?

– Ну уж, сразу!.. Не такого ты полета птица. А Клоп все-таки не князь Тьмы. Но это не значит, что договор с ним легко порвать. И подозреваю, что скрепляется клятва не только обещаниями.

– Повязать убийством, что ли?

– Видишь, тебе это близко! – съязвил Шатун. – Может, вы созданы друг для друга?

– Без подколок нельзя?

– Начальство, чтоб ты знал, надо любить как бога. А любовь у чинуш принято подтверждать. Чем ты готов поступиться ради власти: близкими, честью?

– Ага, шас!.. Да и на что я так уж сдался Клопу?

– А ты не замечал, как просто подчинить пирамиду? Достаточно подмять вершину. Вот если он получит тебя, что станет с Семейей?

– Ты ему льстишь, – проворчал Аскольд. – Не такой он умный.

– Ум тут ни при чем, это на уровне инстинктов. То, что зовется хитростью. Клоп – гений приспособляемости, к тому ж усердный ученик, опыт прежних тиранов вызубрил наизусть. Нужна лишь хорошая память!.. А может, у него хороший советчик?

– Как у меня, что ли?

– Как раз тебе не повезло – если имеешь в виду меня.

– Имел я тебя в виду! – угрюмо подтвердил главарь. – А почему?

– Да говорю не то, что тебе хочется слышать. Странно, что еще не послал меня подальше. Только надолго ли хватит твоих благих порывов?

– Ладно, отвлеклись!.. Что там насчет Алмазинского договора?

– К примеру, могут устроить посвящение в духе дьяволопоклонников – с человеческими жертвами, прочими радостями.

– Для чего?

– Элементарно, родной!.. Тут тоже не надо придумывать – обыгрывалось не раз. Достигаются две цели. Во-первых, шантаж – кто замешан в этом, становятся управляемой. Во-вторых, происходит первичный отбор людей, имеющих склонность к садизму. Таких, как ты.

– По торговым делам мы...

– По контрабанде, – поправил Шатун. – Кстати, лучшее из твоих занятий. Потому что в остальном ты – натуральный бандит.

– Мы не бандиты, – проворчал Аскольд. – Мы – благородные разбойники. Бедных не трогаем.

– А что с них взять серьезному хищнику? Пусть уж шакалы кормятся.

– Если вокруг столько баранов, значит и вожаки нужны.

– Но ведь вожак – тот же баран, разве нет?

– Ну, тогда пастухи.

– Ведь и они стаду не хозяева, – сказал Шатун. – А Хозяином тебе, дорогуша, не стать – даже не пробуй. Все места заняты.

Глава 6. Нескучная прогулка

Из отеля они выбрались после полудня – когда откладывать уже было некуда, разве задержаться еще на сутки. (А лучше бы на неделю, да?) Загрузившись в Горбунок, втиснулись в поток машин, устремленный к городской окраине. Тотчас Геральд включил проигрыватель, спросил: «Не громко, нет?» – и сразу набрал скорость, жалея, что не может газануть от души. Хотя Энни, наверно, и такой темп показался чрезмерным, поскольку Геральд выглядел более поглощенным музыкой, чем дорогой. На самом-то деле он был погружен в мысли, от которых его отвлекли позапрошлым вечером. Но кто сказал, что при вождении трудно думать? Видимо, тот, кому и при ходьбе нужно концентрироваться.

Горбунок уже подкатывал к магистрали, когда из-за поворота вывернул броневик и, слова худого не говоря, ринулся на таран. Вильнув в сторону, Геральд избежал столкновения, смачно чертыхнулся. Но тут же ухмыльнулся, легко сбрасывая злость.

– Каков наглец? – сказал он. – Ведь мог и достать: что-то я расслабился.

Видно, посчитав Горбунок легкой добычей, броневик с визгом развернулся и снова нацелил на него могучий бампер.

– Ага, шас, – сказал Геральд.

Он круто затормозил, и задира пролетел мимо Горбунка, даже не оцарапав. Зато сам с разгона вмазался в столб, очень кстати случившийся на пути, – то есть так уж подгадал Геральд. Раздался скрежет сминаемого металла, на асфальт брызнули стекла.

– Вот и ты, дружок, нашел свое счастье, – произнес Геральд, возобновляя езду. – Не грехи больше.

Повернув, он вырвался на простор большой дороги и с удовлетворением вздохнул, наконец позволив Горбунку наддать. По сторонам, за лиственной завесой, мелькали живописные домики, постепенно теряя в высоте.

– Полагаешь, случайность? – спросила Энни.

– Всяко возможно. Вообще здесь полно отморозков, которые носятся по дорогам, полагаясь больше на везение да крепость своей брони.

– Или забираются по утрам в номера, – негромко прибавила она.

Геральд хмыкнул, но продолжил:

– Куда больше я опасаясь лохов, плюхающих на тихоходах. Вот они непредсказуемы. Куда повернут, где затормозят? Похоже, сами не ведают. И как еще не выбили всех!.. Или эти птички плодятся быстрее, чем их сбивают?

Усохшие до единственного этажа строения наконец остались сзади, и дорога заструилась меж холмов, затопленных пышной зеленью. А впереди уже громоздились горы. Собственно, их было видно и в городе, но там они принимались за эффектные декорации, а вот отсюда впечатляли куда сильнее. И приближались с каждой минутой, на глазах проступая сквозь белесую дымку, – так что сомнений в их реальности не оставалось.

– Ты столько рассказал мне за эти ночи, – вновь заговорила Энни. – Но днем все принимаешь иначе.

– Критичнее, да? – откликнулся Геральд. – И на здоровье. Главное, чтобы это не стало для тебя сюрпризом.

– А ты сам до сих пор веришь в сказки?

– Ну, раз не верю в богов... Чем еще заменить религию?

– Ведь это ересь, милый.

– Именно, – подтвердил Геральд. – Поскольку отвергается основными конфессиями. Ишь, чего выдумали: бессмертие тел! А на что тогда царство божье? Эдак и рай станут устра-

ивать на земле... Собственно, почему нет? Лично мне нравится тут – по крайней мере не скучно. А изредка даже испытываешь блаженство. К примеру, нынешней ночью.

– Лстец!

– Скорее бахвал, – возразил он. – Экую фемину отхватил!

– Ну, если честно, и мне с тобой не противно.

– Ах, негодница!.. А кто стонал на весь отель?

– Что, в самом деле? Ужас какой!

Впрочем, Энни не выглядела смущенной.

– Ты не сворачивай, ладно? – прибавила она. – Ближе к теме.

– Ладно, – согласился Геральд. – Вот ты можешь ответить, с чего тебя занесло сюда?

– Пожалуй... нет.

– Тащило словно бы потоком, да? В том и дело, что многие ветра дуют нынче в эти места. Слишком много происходит тут странного. А если вспомнить разнообразную и опасную живность, явно пришедшую издалека...

– Ну, это ж и вовсе слухи!

– Просто ты плохо информирована, – заметил Геральд. – Поверь, уже собрана целая коллекция. Хотя экспонировать ее не спешат. К чему лишний ажиотаж, верно? Тем более, чужеродное зверье не исчерпывает проблемы.

– Имеешь в виду... пришельцев?

– Выходцев! – хохотнул он. – С того света. Во всяком случае, на обычных инопланетян они не похожи. Хотя, насколько знаю, человекоподобны на удивление. А может, умело маскируются: этакая мимикрия на клеточном уровне. Но ведь больше пугает похожее, разве нет? Или знакомое, хотя бы смутно. Иначе откуда взяться ассоциациям?

– Странно: в Бога ты не веришь, а...

– В дьявола? Ну, с ним-то людей роднит куда больше! Хотя и ваш боженька, если разобраться, субъект не из приятных.

Заметив, как помрачнело ее лицо, Геральд тотчас сдал назад:

– Прости, постараюсь не заступать... Так вот, об этих, условно говоря, пришельцах сведения разноречивые. Тем более, что напрямую они себя не проявляют и на виду стараются не мелькать. А судить о них по делам их...

– Ты ж сказал: человекоподобны, – перебила Энни, на секунду забыв о приличиях. И тут же прикусила язычок.

Улыбнувшись, Геральд ответил:

– Ну да, поскольку разумные монстры в округе не замечены. Что же до поведения чужаков... Складывается впечатление, будто тут орудуют сразу две или три пришлых расы.

– Послушай, Гарри, – осторожно сказала Энни, – а ты вообще... нормальный?

Он расхохотался, откинув голову, даже похлопал ладонями о руль. А Горбунок, разделяя его веселье, выписал по шоссе аккуратный зигзаг.

– Справку показать? – спросил Геральд. – Таких нормальных поискать! И к легковым не отношусь. А что толкую про чудеса, так каждый свой тезис могу обосновать.

– Но почему об этом молчит церковь?

– А почему молчат власти? Между прочим, местный губернатор и краевой митрополит дружны на удивление – этакая смычка чинуш и слуг божьих. Причем союз этот зиждется на взаимной выгоде: души прихожан в обмен на мирские блага.

– Похоже, ты опять заступаешь, – сухо заметила Энни.

– Э нет, милая, позволь! – не согласился Геральд. – Богу богово, а церковники – особая статья. Уж эти попики-гэбисты!.. Или ты не отделяешь религию от служителей?

– Ты настолько не любишь «бесов»?

– На дух не переносу, – признался он. – Ни губернских, ни федеральных. И есть основания, поверь. Кстати, здешние попы решили отделиться от метрополии. По-твоему, это спроста? Уж кто-кто, а православы всегда держали нос по ветру – за исключением тех, кто шел под топор. И вот так, мало-помалу, строптивцев отлучили всех.

– Ты-то об этом откуда знаешь?

– Уж знаю, – улыбнулся Геральд. – Имел касательство и до сих пор знаком со многими. Но еще любопытней, что иерархи ведущих конфессий Приграничья, прежде враждовавшие, ныне проявляют единодушие. И такую же трогательную солидарность с угнетателями показывают коммунары – прямо идиллия! Этаким райский сад, где предаторы мирно уживаются со своим кормом.

– Не веришь в добрую волю, да?

– Возраст не тот. Слишком часто за благостным фасадом обнаруживал уродливую машинерию, а это, знаешь, излечивает от иллюзий.

– А может, ты затаил обиду на бывших коллег? Отсюда и неприязнь.

– При чем тут обида? – удивился он. – Обижаются на близких, а мне просто разонравилось там. С государством, милая моя, как с дьяволом, – лучше не сближаться сверх неизбежного, поскольку отдалиться затем крайне сложно. Особенно это касается некоторых его учреждений. То есть тропка на кладбище открыта всегда!.. Во всякой игре главное – вовремя затормозить.

– Как в наркотиках?

– Вот-вот, – одобрительно кивнул Геральд. – Что называется, «соскочил с иглы».

– Имеешь в виду карьеру?

– Всё суета: власть, слава, роскошь!.. Комфорт – другое дело.

– А долг?

– Перед кем? Кому я чего должен, а? Ты вздумайся!.. У каждого есть собственный круг, коему он подотчетен. И либо этот круг очень широк – по родству крови; либо совсем мал – по родству воззрений. Все же прочее зовется стаей, ибо сцементировано выгодой. Так вот, благополучие ближнего круга для меня важнее любого долга – к начальству, нации, стране. Переболел, знаешь ли, – иммунитет!..

Энни вдруг зевнула, деликатно прикрыв рот ладонью. Все-таки ей не хватило четырех часов сна, да и накопилось – за двое суток.

– Можешь вздремнуть, – сказал он, нажатием клавиши превращая ее кресло в лежак. – Или погляди фильм – в моей кинотеке сыщется любое новье.

Отвлекаться на экран женщина не захотела, а скорее побоялась отвлечь водителя. По своему обыкновению Геральд все делал разом: говорил, рулил, настраивал технику, смаковал персики, – кажется, это тревожило Энни. И совершенно напрасно: он не из тех, кто рискует зря. Вождение требует сосредоточенности лишь в первые годы, а с опытом навыки вырастают настолько, что больше не требуют участия сознания. Во всяком случае, пока скорость не перевалит на третью сотню... или на тебя не ведут охоту. Как сейчас, например. И это уже не случайность.

– Не думал, что меня вычислят так скоро, – пробормотал Геральд. – Или настучал кто?

– Что-то не так? – встрепелась Энни.

– Оглянись... Нет-нет, не на дорогу – выше.

– Вертолет, – сообщила она. – Черный. А почему не слышно гула?

– Особая модель, из последних разработок. Я-то полагал, что они в арсенале лишь у федералов.

– По-твоему, это местные?

– Не дремлет Луц!.. Такой кроха, а шустрый.

– Послушай, – сказала Энни. – А ты не шпион?

Несмотря на озабоченность, Геральд рассмеялся.

– Если шпионю, то лишь к своей выгоде, – ответил он. – Хотя и это мало кому нравится. Я ведь предупреждал: скучать не придется!

Отложив в сторону персик, Геральд взялся за управление всерьез. Вот теперь Горбунок покажет, на что годен.

– Пристегнись, – велел он. – Сейчас погоняем. Несколько домашних заготовок у меня припасено.

Первым делом он выдвинул из корпуса антикрыло, широкое как вторая крыша, открыл обтекатели, опустил корпус ближе к шоссе. За секунды его машинка приняла совсем иной вид, куда более подходивший для гонки. Правда, и дорога уже обрела статус горной – с немалым наклоном и многими изгибами. Но тем занятней будет схватка.

– Дальше – тишина, – предупредил Геральд. – Мне нужно слышать мотор.

И даже музыку убрал, чтобы не мешала. Штурманом у него выступал бортокомп, показывая на экране ближайший отрезок.

Машина скакнула вперед, разгоняясь на реактивной тяге, – даже в кресла вдавило не хуже, чем при взлете. Правда, для порханий требовалось другие крылья, и тут, пожалуй, главное отличие Горбунка от его сказочного тезки. А пригодилось бы сейчас, да? Пора, пора думать о модернизации!..

– Врешь, не возьмешь, – шептал Геральд, петляя по горной трассе. – Не по вашим клыкам дичь.

Раздувая ноздри, он все прибавлял газ, наконец дав волю себе и машине. Чувствовал себя Геральд превосходно, как и всегда во время гонок. Кровь бурлит, нервы как струны – такую жизнь он любил. Нет смысла коптить небо, лишь бы протянуть дольше. Но когда ходишь по краю слишком часто, рано или поздно сорвешься в пропасть. Вот если обрести нечеловечью живучесть... А пока рисковать следует с оглядкой – тем более, сейчас Геральд не один.

– Ничего «medium» – всё «high», – похвалился он, коротко глянув на притихшую Энни. – Высший стандарт!

В повороты он влетал нагло, но траекторию выверял до сантиметра, как и дозволенную скорость. И чего ждать от Горбунка на таком покрытии, представлял отлично – в отличие от загонщиков, поначалу явно растерявшихся. Впрочем, немного погодя они стали наверстывать отставание, благо им позволялось срезать углы.

– Хорошая машинка, славная, – бормотал Геральд, вполне уверенный, что это помогает ей. В партнерстве едва не главное – взаимная приязнь.

К счастью, Горбунок цепко держался за полотно рифлеными шинами, каждое из которых стоило с обычный автомобиль, и словно обтекал шоссе, притиснутый к нему потоком рассеяемого воздуха. На таких скоростях приходится использовать всю ширину шоссе, временами даже захватывая обочины, – так что для других места не остается. Но это не значит, что их не было. Водители встречаемых машин наверняка вздрагивали, когда впритирку к ним проносился Горбунок, будто пущенный из катапульты. А когда поверху проскальзывала вертушка, делалось совсем весело.

– Думаешь, выигрывает тот, кто шибче газует? – спросил Геральд. – Вот и нет – главное: уметь притормаживать.

И уж он умел это, как немногие. Да и Горбунок вел себя выше похвал. Но все равно, вертушка не отставала.

– Конечно, они быстрее, – признал Геральд нехотя. – Зато мы легче. Ты погляди, как их заносит!

Иногда в тщательно выверенные маневры приходилось вносить коррективы, потому как напуганные встречники принимались выделывать такое!.. Один раз он едва увернулся

от нежданно вильнувшей машины, другую пришлось боднуть краем бронированного носа, чтобы освободила проход. Царапину, понятно, схлопотал, но сейчас не до принципов – ноги бы унести. Несколько раз Геральд позволил Горбунку оттолкнуться корпусом от попутного авто, чтоб вписаться в поворот на большей скорости, – трюк рискованный, но при должной умелости действенный. А однажды его машину таки вынесло с полотна – на обширную поляну, уставленную валунами.

– Спокойно! – процедил Геральд, напрягшись. – Как говорят западники, – продолжил он, стараясь меньше рулить на скользкой траве, – дорог у вас нет, – оскалась, он вписался в проем между скалами, – но кое-где проехать можно.

В следующую секунду Горбунок вернулся на шоссе, вызвав у водителя и пассажирки облегченный вздох.

– Посмотрите налево, – предложил Геральд с ухмылкой. – Что вы там наблюдаете?

– Фигу, – отрезала женщина.

– Ничего подобного – и близко нет! Вы наблюдаете местную примечательность: двухступенчатый водопад. Конечно, не Ниагара, но тоже красиво. Я бы не отказался пожить тут... некоторое время. Представляешь: спальня с видом на водопад? Шумно, правда, но при должной-то изоляции...

А вскоре перед ними распахнулось ущелье, рассекавшее отвесную гору, минуты назад казавшуюся далекой. Теперь вертушка следовала за Горбунком неотступно, мотаясь позади, точно бумажный змей. И ущелье оказалось для нее не тесным – все ж недурна машинка!.. Жаль, что не наша.

– Ч-черт, – пробормотал Геральд, извлекая из багажничка пистолет. – Экий ты, брат, настырный – прямо репей!

Приоткрыв окно, он сунул левую руку наружу, не глядя нацелил ствол в вертолет.

– Нет! – испуганно вскрикнула Энни, но выстрел уж грянул. За ним еще два.

– Это ж не «стингер», – успокоил Геральд, пряча оружие. – Так, легкое щекотание нервов!.. Должен же я заявить о недопустимости подобных манер?

Впереди, внизу массивной скалы, показался вход в тоннель, больше похожий на темную норищу, логово динозавра. Или на чудовищную пасть, готовую заглотнуть любого, кто в ней уместится. Влетев в тоннель, Геральд домчал до ближайшего изгиба и сразу за ним развернулся, круто затормозив.

– На том конце наверняка устроена встреча, – ответил на удивленный взгляд Энни. – Не зря же нас гнали сюда? Старый охотничий прием – даже обидно, что применили ко мне. – Ухмыльнувшись, он добавил: – А вот с этой стороны подготовиться не успеют.

И рванул машину с места, за секунды разгоняя до опасной скорости. Вертушка уже приземлялась поперек шоссе, готовясь закупорить ловушку, когда Горбунок выскочил из темноты и, лихо саданув бампером по краю ее посадочной лыжи, протиснулся в открывшуюся щель.

– Ты, рожа! – заорал Геральд в восторге. – Схлопотал?

Затем понесся по дороге в обратном направлении. Легкими касаниями подправляя бег машины, он злорадно наблюдал в зеркальце, как накренившийся вертолет наплывает на стену, в щепы размалывая винты, – пока сладостная картинка не скрылась за поворотом.

А Горбунок уже сбрасывал скорость, заодно возвращаясь к прежнему облику – невзрачному, уязвимому. Как и хозяин, он любил преподносить сюрпризы.

– Придется воспользоваться объездом, – сказал Геральд расслабленно, оставляя за спиной этот эпизод. – Конечно, если и там не устроили пакость.

Женщина промолчала, будто ее это совершенно не касалось.

– Кажется, я позволял себе крепкие словеса? Извини, в такие моменты трудно сдерживаться.

– Это ты развлекаешься так? – откликнулась Энни, глядя в окно. – По-моему, тебе понравилось.

– Я так живу, – ответил он. – А иначе зачем?

– Знаешь, как это зовется?

– Я авантюрист, да, – с готовностью признал Геральд. – И что?

– Конечно, у нас всякий труд почетен, но длинная жизнь предполагает размеренность. А хочешь щекотать нервы – разве мало безопасных способов?

– Нет, так неинтересно, – покачал он головой. – Что за игра без риска? Должен быть некий минимум – иначе не тот азарт.

– Ведь ты планируешь себя надолго...

– Я не боюсь смерти, – возразил Геральд. – То есть не больше, чем все. Зато как я люблю жизнь!.. Хочу черпать ее полными горстями.

Достигнув развилки, он свернул на едва приметную грунтовку, с обоих боков зажатую высокими кустами. Об этой тропе знали немногие, а кто знал, обычно избегал пользоваться, хотя она много короче. От стада боязно отойти, если нечем возразить хищникам. Но когда устраивают гон на виду у всех... Уж лучше хищники, чем такие охотники.

– Голубушка, у меня тоже есть мечта, – заговорил Геральд снова. – I have a dream, как говаривал один симпатяга. Моя жизнь распланирована на сотни лет – так много хочется перепробовать, столько повидать...

– Ты еще не накопил под такие расходы, – заметила женщина. – Стоит ли тратить порох?

Он хмыкнул:

– А это у нас национальный вид спорта: дележка неубитого зверя. Уж в этом мы преуспели больше других. Столько веков практики!..

– Ты всегда такой говорливый? – спросила Энни. – Или это разновидность «медвежьей болезни»?

Геральд хохотнул, жмурясь от удовольствия.

– Ну, в какой-то степени, – признал он. – То есть и то, и другое. После таких встрясок аппетит возрастает немало. И к общению, знаешь ли, тянет.

– Наверно, и меня подобрал, чтоб было кому слушать, – предположила женщина, – И реагировать, да? Надо вписать в перечень моих обязанностей. Ничего, что я тебе возражаю? А как ты относишься к скандалам?

– Дай конфету, милая, – сказал Геральд со вздохом. – Следует ублажить нервы... Да-да, в холодильнике.

– Может, дать чего-нибудь послаще? – спросила Энни, сощурясь.

– А что, это мысль! – оживился он. – Если не шутишь, конечно. Грешно смеяться над сокровенным.

– Да уж не до шуток нынче. Как ты говоришь: «после таких встрясок...»

– Что, и у тебя тоже? Тогда «мы сработаемся» – как это говоришь ты.

Все-таки она засмеялась, тотчас принявшись расстегивать платье. А Геральд уже высматривал, где укрыться, чтоб их не потревожили ни с воздуха, ни с земли. Конечно, в салоне не порезвишься как на кровати, но Горбунок изначально проектировали и под такие нужды, предусмотрев многое. К тому ж, недавняя гонка создала изрядный резерв времени, который теперь можно было употребить с толком. И они не потратили даром ни секунды, а женщину даже не потребовалось разогревать, будто ее достаточно завела опасность. Действительно, родственная душа – с такой и работа в радость.

Затем Горбунок снова выкатил на тропу и запетлял сквозь заросли, с натугой взбираясь по крутому склону. Но уже вскоре, перевалив седловину, обрадовано устремился с горки, совершенно не затрачивая усилий. Чуть дальше кончились и кусты, уступая место новой рас-

щелине, постепенно расходившейся в ущелье. Да и тропа мало-помалу становилось шире, показывая, какой она была прежде, пока через горы не проложили бетонное шоссе. Из угловатых стен изредка выступали, словно наросты, ветхие, давно покинутые дома, нависая над дорогой. Если предположить, что когда-то тут обитали абреки, то им, вероятно, было удобно сигать прямо с веранд на проходившие внизу караваны.

Потом одна из стен оборвалась, и за ней открылось море, в который раз изумив Геральда простором, красками, ароматами. Одевшаяся в асфальт дорога теперь висела понад самой водой, между бугристым обрывом, поверху заросшим буйной зеленью, и узким галечным пляжем. Пологие редкие волны накатывали на берег, разражаясь тягучим шелестом, от воды неслись крики чаек. Лазурная гладь, кое-где прорываемая живописными глыбами, искрилась под солнцем, уже клонящимся к горизонту. Сейчас бы развалиться на теплой гальке да с феминой под боком – идиллия!..

Впрочем, и так неплохо. Надежное авто, послушное каждому жесту, гул ветра в ушах, красивая женщина рядом – что еще нужно человеку? «Чтобы спокойно встретить старость», – всплыла фраза из давнего фильма. Геральд усмехнулся: кажется, моя цель становится манией. Но черт возьми, хочется ведь пожить всласть! Разве для этого обязательно превращаться в вампира? Тем более, со сладостью тогда возникнут проблемы.

Несмотря на цивилизованный вид, шоссе оставалось пустынным. Особо не разгоняясь, Геральд катил по нему минута за минутой, следуя причудливым изгибам берега, и поглядывал больше по сторонам, чем на дорогу. Все тут было как много лет назад. Разве что не стояли тогда на приколе корабли, будто испугавшись близкого шторма, и не казались брошенными дома, иногда сбивающиеся в грозди, а то и образующие небольшие поселки.

Остывшее до красноты солнце уже опускалось в море, ветер и вовсе стих, обратив водную поверхность в зеркало. И чайки прекратили гвалт, попрятавшись либо улетев. Зато ароматы будто еще усилились, а каждый сторонний звук разносился на километры. Здешний пейзаж был отлично знаком Геральду, как и запахи, звуки, – но с наступлением сумерек что-то неуловимо поменялось вокруг. словно бы парочку перенесли вместе с Горбунком в иной мир, где обычный колесник превращался в этакий краулер, покидать который опасно для жизни. Черт знает, откуда взялось это ощущение, однако и Энни чувствовала себя неудобно – судя по тому, как притихла она сейчас. А когда солнце наконец зашло, и вовсе затаила дыхание, вжавшись в кресло. Хотя ее кожа в густеющей мгле светилась очень заманчиво.

– Не передумала участвовать? – спросил Геральд. – Может, вернешься, пока не поздно?

– Куда? – откликнулась она тихо. – Нет уж, умерла так умерла!

– Ну да, «доктор сказал: в морг...» Откуда такой фатализм, милая?

– Скажи лучше, зачем тащишь меня с собой. Разве в разведку ходят с барышнями?

– А что в разведке главное? Душевный коллектив! Вот с тобой мне комфортно... Но для тебя еще не поздно переиграть. Я выделю тебе... э-э... подъемные, сколько скажешь, и дальше ты... Нет? – удивился он, заметив, что Энни качает головой. – Собственно, почему?

– Иногда худшая беда – одиночество, – ответила женщина. – С тобой, по крайней мере, не поскучаешь.

– Это – да, – ухмыльнулся Геральд. – Этого у меня не отнять. Да и приятели развлекают.

Вдруг он ударил по тормозам и рывком повернулся, подавшись лицом к самому стеклу.

– Что это было? – спросил, жадно вглядываясь в сумрак. – Не успела разглядеть?

Мелькнувшая тень вовсе не походила на чудовищного нетопыря, как болтали очевидцы, – скорее на гигантскую манту, парящую на широких плавниках по воздуху, яко в океанской глубине. Кстати, в отдалении Геральду послышался всплеск, будто, налетавшись над сушей, животиная вернулась в родную среду. Ну да, прихватив по пути корову!.. По крайней мере теперь есть на кого списать пропажи. Поди разберись: то ли абреки балуют, то ли Горы-

нычи кормятся, то ли душка-сосед решил поживиться за чужой счет? «Хорошо, что коровы не летают», – всплыла присказка. Это как посмотреть. А если им слегка помочь?

Хотя они, эти очевидцы, вполне могли видеть другую тварь. Но какой занятный край! Только успел въехать и – первые сюрпризы. Похоже, скучать не придется.

– Ради Бога, Гарри! – выдохнула Энни. – Чем бы это ни было – ты же не погонишься за ним, правда?

Оглянувшись на женщину, Геральд вздохнул: он бы погнался, с превеликим удовольствием и азартом... будь сейчас один. А отвечать за чужие жизни – спасибо, хватит с меня!

– А ты не верила, – укорил он. – Помнишь «Затерянный мир»? Тут могут водиться чудовища!..

– А тебя это радует, да?

Геральд хмыкнул и снова послал машину вперед, утешая себя, что главные события – впереди. Нельзя же сразу получить всё? Хотя и хочется.

Мало-помалу обрыв над дорогой понижался, зато деревья поверх его становились выше и строения на нем размещались чаще, а некоторые даже выглядели обжитыми – во всяком случае, оставили их недавно. Потом шоссе отвернуло от моря, опять угодив в окружение каменных стен.

– Подъезжаем, – негромко сообщил Геральд. – Еще минут десять и – окраина.

– Что, мне можно уже одеться?

– А кто тебе запрещал? – удивился он.

– К твоему сведению, – заметила Энни, – хорошая секретарша должна угадывать желания патрона.

Геральд усмехнулся:

– Только не переусердствуй, ладно? Мне вовсе не хочется, чтоб и это ты занесла в перечень обязанностей.

– А кто сказал, что я против? Лишь бы это не отвлекало тебя.

– Меня это вдохновляет! – засмеялся он, тоже надевая рубаху.

Спустя четверть часа, уже при всем параде, они и вправду въехали в город. Здесь-то жизнь затихала позже, и на улицах еще хватало машин, прохожих, света. Хотя не везде – многие районы словно вымерли, мерцая редкими фонарями, зияя черными проемами опустелых домов. А особенно удивляли кварталы, больше похожие на крепости, – с заложеным кирпичом окнами нижних этажей и подворотнями, наглухо перекрытыми стальными воротами. Собственно, это и были крепости, заселенные пресловутыми Семьями – попросту говоря, бандитами.

Вообще же, городское население за последние годы сильно убавилось в числе, а заодно расслоилось по интересам, сбившись в подобия слобод. Зато куда больше стало храмов, причем не только православных. Вот мечетей на пути не попало – скорее, их не осталось тут вовсе, как и легальных муселов. Видимо, те вернулись туда, откуда спустились... пока в горы, не на деревья.

– Стада вновь потянулись к пастырям, – заметил Геральд. – Как и положено на Руси. Не это ли так роднит нас с Азией?

Некоторое время они катили вдоль высокого забора, за которым прятался Лагерь, гнездилище коммунаров. Казацкую слободу тоже пришлось огибать, поскольку через нее закрыли сквозной проезд. Лишь затем впереди открылся городской центр, средоточие местного официоза, сплотившегося вокруг губернского Двора. И почти все гостиницы размещались тут, где еще поддерживался порядок, почти сравнимый с прежним.

Номер в отеле Геральд позаботился заказать загодя. Как оказалось, не зря: мест уже не осталось – о чем извещала табличка на двери. У подъезда встречал рослый швейцар в

ливрее, с русой бородой и выпуклой блестящей лысиной на полчерепа. Хотя был вовсе не стар, судя по гладкой коже и румяным скулам.

– Экий ты, братец, лобастый – от мыслей, должно? – проворчал Геральд, передавая ему пару пузатых баулов и ключи от Горбунка. – Машину мою не обидишь? Проверю!

Третью сумку, не тяжелую, но самую ценную, он повесил себе на плечо и, предложив свободный локоть Энни, под руку с ней вступил в отель.

– Кто я теперь: баронесса? – спросила она шепотом.

– Может, это я – графинин муж? – ухмыльнулся Геральд.

В просторном вестибюле уже толклись дворяне, устроив подобие раута, – некоторых Геральд помнил по прежним сборищам. Почти все были одеты с претензией, подражая моде прошлых веков. Кое-кто даже порывался общаться на французском, хотя смотрелось это неубедительно. Ей-богу, лучше б они использовали английский... правда, тогда их могли спутать с крутарями, этой новой знатью.

Впрочем, старая аристократия выглядела пожиже, да и оснастку не сравнить. При этом многие мужчины рядились в военное, содрав фасоны бог знает откуда. Но даже Геральд в своем цивильном облачении, стоило ему приосаниться и принять надменную вид, куда больше походил на царского офицера, причем в звании не ниже полковника.

Небрежными поклонами отвечая на приветствия, он провел Энни к лифту, поднявшему их на верхний этаж. Здесь они прогулялись по широкому коридору, устланному роскошной дорожкой, и наконец очутились в номере, за двумя запертыми дверями, где уже можно было отбросить притворство.

Благодарно поцеловав Энни в щеку, Геральд опустил сумку на стол, сбросил пиджак на кушетку и лишь затем огляделся. Эти комнаты он помнил, и с тех пор тут мало что изменилось, даже обстановка почти та же. И уж это настоящий люкс – прежний отель все-таки не дотягивал.

– Устраивайся, милая, – предложил он. – Теперь тут – наш дом.

Молча кивнув, женщина сейчас же прошла в спальню, а Геральд, расстегивая ворот, приблизился к зеркалу, внимательно себя оглядел.

– Всё седеет и седеет, – произнес он задумчиво. – Может, обриться наголо – как считаешь? Тогда никто не заметит, включая меня.

– А мне нравится твоя седина, – через открытую дверь откликнулась Энни, без стеснения подготавливая себя к ванне. – Вообще предпочитаю мужчин в возрасте.

Скосив глаза, Геральд следил, как участок за участком обнажается тело женщины. Этот процесс всегда его завораживал.

– Может, ты недолюбила своего отца? – предположил он. – Вот и компенсируешь теперь.

– А без психоанализа нельзя?

Сбросив с себя последнее и скрутив волосы в узел, Энни скользнула мимо него в ванную, окатив влекущими ароматами. Сразу же зашумела струя, разбиваясь об эмалированное дно. Похоже, купание – из любимых занятий Энни. Или наверстывает?

Поскольку дверь не заперли, Геральд посчитал себя вправе войти без спроса. Здешняя ванна больше походила на бассейн, ослепляя обилием хромированных деталей. И купальщица соответствовала: мраморная кожа, золотые волосы, изящные пропорции – прямо ожившая статуя! Рассевшись в мелкой воде и вооружась ножничками, женщина сосредоточенно обхаживала ступню, ноготок за ноготком. На возникшего работодателя она покосилась, но не возразила и процедуры не прервала. Пальцы у нее были загляденье – в ровную дугу, один к одному. А подошвы узкие, нежные, как и положено графине.

Помедлив, Геральд присел на край ванны и некоторое время следил за процессом, легонько улыбаясь. Сценка почти семейная – и самое забавное, что ему это нравится.

- Интересно? – спросила Энни, чувствуя его взгляд.
Хмыкнув, он заговорил, будто для того и пришел:
- Есть несколько правил, кои настоятельно рекомендую исполнять. Первое и главное: ни под каким предлогом не выходи из отеля после заката. Лучше вообще не покидай номера – во всяком случае, без меня.
- Это действительно рекомендация?
- Самая настоящая, – повторил Геральд. – Мне вовсе не хочется подыскивать новую секретаршу – не говоря уж о прочем.
- А каково второе правило?
- Не разгуливать без оружия. Запомни: эта территория вполне вражеская. И в отношении всех встречных действует презумпция виновности. Посягнуть на твою жизнь могут в любой миг.
- Прочее, стало быть, не в счет, – пробормотала Энни. – Что еще?
- Держаться подальше от моих секретов. Конечно, полной гарантии это не даст, но все ж добавит шансов на выживание.
- А чем я буду заниматься тут?
- Ты ведь общалась с компами? – спросил он. – Я обучу тебя кое-каким приемам... э-э... не вполне традиционным.
- Взлому, да? – уточнила женщина, озабоченно трогая свои пятки, словно прикидывая, не пора ли их драить наново.
- Экая все же непринужденность!.. Или имеет место эпатаж?
- Вроде того, – кивнул Геральд. – Надо порыться в местных архивах. Предмет поиска укажу позже.
- Вообще я уже занималась подобным, – сообщила она. – И по-моему, получалось неплохо.
- Да ты и впрямь бесценный помощник!
- Беда в том, что у меня куча дарований и ни одного таланта, – вздохнула Энни. – Самито по себе они стоят не много. Да и оплачиваются, знаешь ли...
- А красота? – возразил Геральд с полной серьезностью. – Разве это не талант?
- Это лишь обрамление. К своему таланту или к чужому...
- ... состоянию?
- За неимением первого, – подтвердила она. – Конечно, лучше, когда в комплекте.
- Во всяком случае, такое обрамление меня бы устроило. И если мне повезет, то ты в накладе не останешься – уж поверь.
- Знакомиться следует с «солидными и щедрыми»? – негромко спросила Энни. – «Для приятного общения...» По-твоему, я уже созрела торговать собой в наглую?
- Считаю это джентльменским соглашением.
- Заметано, – кивнула она, откладывая ножнички. – Кстати, я закончила.
- И?
- И не пора ли вступать тебе? По-моему, прошло достаточно времени.
- Геральд рассмеялся с искренней радостью.
- Кажется, этот день завершится столь же чудесно, как начался, – сказал он. – А что было в промежутке – не в счет... исключая один эпизод из того же ряда.
- Аминь, – заключила Энни. – Может, когда-нибудь я уйду в монастырь, но до этого надо нагрешить до оскомины.
- Я буду тебя навещать, – пообещал Геральд, раздеваясь со всей поспешностью.

Часть III

Глава 7. Тайна Пиковой Дамы

С недавних пор меня стали посещать вещие сны. Я даже стал доверять им, хотя с оглядкой. Тем более, снилось много всякого – поди угадай, что из этого сбудется. Но совпадения, мягко говоря странные, случайностью их не объяснишь. А самые примечательные намеки я записывал сразу после пробуждения, уложив рядом с кроватью листы. Кстати, спал ныне урывками, когда накатывала сонливость и если ничего не мешало.

Однако сегодня я залег в нормальное время, чуть позже полуночи – ну захотелось! А потому уснул крепко, будто погрузился в черную топь.

Наверно, я бы не проснулся, если б не мой Зверь. В отличие от людей, он по ночам бодрствовал, а сородичей чуял за километр. И лишь поэтому успел меня разбудить. Еще не очнувшись толком, я кувыркнулся в сторону и только у стены вскинулся в полный рост. Собственно, это был даже не я – по наитию или спросонок, но разбираться с ситуацией я выпустил своего зверюгу, а сам укрылся за его мохнатой спиной, готовый перехватить управление, если возникнет надобность. И его же глазами, легко проникающими ночную мглу, глядел на проникшего в спальню Хищника.

Тот оказался не слишком велик и вовсе не массивен, а ухватками и обилием острых углов напоминал насекомое – эдакий исполинский богомол, вскинувшийся на задние лапы. Сходство усиливали характерная стойка и узкие клинки, лезвиями вниз зажатые в тощих лапах. И двигался он с проворством чудища: я едва успел убраться с постели, прежде чем ее вспорол один из ножей. Что вряд ли стоило делать, поскольку из рассеченного матраса хлынула вода, ударив убийцу по ногам и на доли секунды задержав следующий бросок.

А я уже выхватил из угла дюралевый дрын, с коим разминался по утрам, и ринулся убийце навстречу, чтобы его напор погасить собственным и не дать себя опрокинуть. Но нужной инерции набрать не успел, хотя выглядел вдвое тяжелей, – лишь и сумел, что сбить в сторону разящую руку. Столкновение швырнуло меня обратно и второй нож едва не взрезал мой живот, скрежанув по подставленному дрыну.

Скользнув вдоль стены, я выиграл простор для маневров и атаковал сам, обрушив на пришельца град ударов, ошеломивших бы любого нормального бойца. Но этот парировал их играючи, явно выгадывая момент, чтобы достать меня одним из своих лезвий. И судя по всему, шансы у него были отличные – не то что у меня. Мой Зверь, прежде наводивший ужас на противников, в подметки не годился новой породе Хищников. Откуда ж они взялись?

Внезапно чужак метнулся вбок, пропуская мимо себя стремительное тело, безмолвно кинувшееся на него со спины. Конечно, это был Хан, привлеченный подозрительным шумом, и на моей памяти он промахнулся впервые. К счастью, пес не угодил под взмах костлявой лапы, хлестнувшей почти вслепую, а я сумел увернуться от его броска, иначе бы услуга моего лохматого друга обернулась бедой. Наверно, подсознательно я ждал его появления, а потому даже не прервал атаки, пытаюсь обратить к своей выгоде коротенький сбой, что вызвал у вражины прыжок Хана.

Но тут убийца скакнул еще дальше, вскинув острые плечи, будто его ужалило меж лопаток. Затем рванулся к окну, почти растворясь в сумраке комнаты, и угловатой тенью вылетел прочь, с гулом пронизав оконный проем. Метнувшись следом, я увидел, как серая фигура пикирует к далекой воде и пропадает за крохотным всплеском. А преследовать ее не было ни желания, ни резона.

Распрямившись, я обернулся к двери, где притулилась к косяку девочка-подросток – тоненькая, ладная, еще не успевшая загореть. Чем-то она смахивала на юную принцессу, недавно переболевшую тифом. И к балу ее пока не успели приодеть – то есть совсем голышом.

– Хорошие у тебя ножи на кухне, – сказала девочка тусклым голосом. – Удобные.

Ничего себе детки пошли! То-то мне показалось, что из шеи улетающего пришельца торчит знакомая рукоять. А второй тесак Настя сжимала в левой руке, укрыв за предплечьем.

Ножички и впрямь недурны: из японской нержавеющей стали, длиной в полметра, увесистые. Но теперь их стало на один меньше. Это ж с какой силой надо было метнуть? Вот так приютить уличного котенка, а у него обнаружатся хватки тигра. Девочка-сюрприз, ну да!.. Вообще я подозревал, что Настя на многое способна, – но такого не ожидал. Хотя появилась она вовремя.

– Это он за мной приходил, – добавила Настя.

– Не выдумывай, – буркнул я, переводя дух. – Что ж он сперва кинулся на меня?

Отставив к подоконнику дрын, со вниманием оглядел себя, страхась обнаружить порезы, не замеченные в пылу схватки, – к счастью, обошлось. Затем так же тщательно осмотрел Хана. Везет дурням: ни единой царапины! Хотя пара-другая синяков на мне еще могла проступить – этот парень будто из железа. Киборг, ага? Пофантазируй, пофантазируй!..

– Просто ты мешал ему, – пояснила девочка.

– Уж это точно.

Иначе с чего бы он сюда сунулся? Вроде не звали.

– А покончив с тобой, взялся бы за меня.

– Или за Инессу, – прибавил я. – Или за Леху. Знаешь, сколько похожих случаев по окрестностям? Слава богу, сумели отмахаться, а то собирали бы потом по частям!..

Как и всегда, я не врал впрямую, но говорил не вполне то, что думал. В случайность этого визита верилось слабо. Иначе придется допустить, будто я притягиваю несчастья.

– Интересно, почему он не стрелял? – спросила Настя, особо не вслушиваясь в мою болтовню. – Ведь так проще.

– А уж мне как интересно! – проворчал я. – Может, он из тех, кто любит осязать клиента.

Мне показалось или девочку вправду трясет? Приблизясь, я глянул на ее ладонь, но и тут все оказалось в порядке. Как видно, обращаться с таким оружием Настя умела.

– Спать-то не хочешь?

Она покачала головой, заморожено глядя в окно, словно посетившее нас чудовище могло вернуться, взметнувшись из волн. Действительно, какой теперь сон? Я и сам на взводе.

– Тогда пошли чаевничать.

Хан, конечно, увязался за нами. На кухне уже хлопотала Инесса, будто не ложилась. До сих пор не могу понять, как она угадывает мои желания, – тоже ведь попахивает мистикой. Хотя со временем привыкаешь ко всему.

Мы расселись за просторным столом, а Хан, улегся под ним мохнатой грудой, в которую так приятно погружать ступни. Когда Инесса расставила чашки, дымящиеся ароматным паром, я кивнул ей на свободное место. Женщина с готовностью примкнула, налив чай и себе. Наверно, мы напоминали семью за ранним завтраком. Хотя тонколицая Настя мало походила на Инессу, скуластую и чуть раскосую, а уж тем более – на меня.

– А с чего ты решила, будто он приходил за тобой? – поинтересовался я.

– После, ладно? – откликнулась девочка. – Мне подумать нужно.

– Ну думай, думай... Занятие невредное.

Почему-то у меня зябло нутро, хотя ночь не была прохладной, и даже порции горячей жидкости, соскальзывающие вниз, не согревали. Коротко взглянув на меня, Инесса дотянулась до шкафчика и выставила на стол бутылку наливки, дополнив парой рюмок. Помедлив, прибавила к ним третью. Это называется: спаивать малолеток. Впрочем, градусов в наливке мало – я и сам не жалую крепкое. А дозы можно выделять сообразно весу и возрасту.

Несмотря на допинг, беседы не получилось – Инесса вообще молчунья редкостная, я тоже не из говорунов. И Настя не была расположена к разговору, зато сладости уплетала охотно, не забывая и о наливке. Наверно, нам просто хотелось побыть вместе – эдакая сплоченность перед лицом опасности.

Затем я отправился в кабинет, чтобы разобраться с событием, едва не ставшим для меня последним. Такой поворот в сюжете мне совсем не нравился. Чего я боялся по-настоящему, это быть застигнутым во сне, беспомощным и уязвимым. И вот едва не состоялось. Как мерзко оказаться в роли жертвы!..

Уже не первую ночь вокруг дома кружили «стрекозы», с высоты обзревая подступы и готовые стрелять в случае надобности. Но этого гостя сторожа проглядели. Каким-то образом он пробрался через все сюрпризы и западни, окружавшие дом, а те даже не пикнули, чтобы предупредить. Хороша крепость, если чужаки заявляются в нее, как к себе домой!

Я потратил час, выясняя, как убийца проник сюда (он словно чуял мои ловушки, а обходя их, вытворял невероятное), и пытаюсь заделать брешь. Заодно лучше разглядел его, узнав доспехи, к счастью покрывавшие этого Хищника не целиком. Выходит, оба птенчика из одного гнезда? И оттуда же, скорее всего, прилетала птаха, гвоздившая по «болиду» молниями. Неслабо за меня принялись! Кому-то я мешал – настолько, что за пару дней он предпринял вторую попытку меня убрать. И будет, видимо, пробовать раз за разом, пока не добьется своего. Значит, нужно найти его раньше. Вот этим и займусь в ближайшие дни.

Потом, раз уж все равно перебили сон, я проглядел записи, поставляемые «глазками», разбросанными по окрестному морю. Накопилось немало. Почему-то пришлые твари тщательно стереглись солнца, зато ночами прибрежные воды, а частью и берег, превращались в их охотничьи угодья. И проникало чужого зверья всё больше, едва не каждую ночь возникали новые персонажи. А кое-кто попадался в ловушки, окружавшие мою скалу защитным кольцом, – главным образом, понятно, мелкота. Но и среди той преобладали экземпляры, отлично приспособленные для умерщвления существ.

И каждую ночь вдоль берега курсировал, точно сбрендивший крейсер, громадный Моби Дик, атакуя суда, еще отраживающиеся на ночные рейды, и метая молнии по целям на суше. А самого Дика не пронять было ничем – даже торпеды не брали, натываясь на невидимое поле. Официально чудище не признавали, а местные mass media молчали о нем, как по сговору. Зато приморская публика, от рыбаков до контрабандистов, уже познакомилась с Диком близко. Кое-кто, из особо отчаянных или безмозглых, даже пытался играть с исполнимом в догонялки – на легкой катерке или оседлав водный мотоцикл. До сих пор, насколько знаю, не выиграл ни один. Вот так и происходит естественный отбор.

Пока утренние лучи не сгубили пленников, я проверил ловушки и опять не разочаровался: с каждой ночью улов делался богаче. Часть нынешней добычи мой «плавунец» уже доставил в подскальный грот, разместив по свободным клеткам. Там собралась впечатляющая коллекция чужеродных уродов, и чтобы любоваться на нее, не обязательно погружаться в воду – и отсюда прекрасно видно, спасибо камере.

Покончив с этим, я спустился в тренаж-зал и слегка «помахал кулаками после драки», сцепившись с виртуал-партнером, которого Дворецкий успел скопировать с ночного гостя. Раз за разом я пытался даже не победить, а хотя бы устоять перед шквалом мгновенных ударов, применяя для защиты то посох, то алебарду, то мечи, – но снова и снова убеждался в своей несостоятельности. Это не моя лига, судари!.. А ведь он, этот виртуал, бил в полсилы.

Но самое поразительное – ухватки Хищника. Их даже боевым стилем нельзя назвать: слишком органичны. Наверняка идут изнутри, от природной его сути. Однако эти рефлексыв ковались куда дольше и тщательней, чем у моего Зверя, вдобавок в условиях, намного более жестких.

Отдышавшись и пройдя через душ, я вернулся в спальню, где испорченный матрас уже поменяли на новый, наполненный подогретой водой. И окно тут закрыли наглухо, против чего я сейчас не возражал. Сняв со стены один из мечей, я улегся вместе с ним на постель, продолжая ломать голову над тем, что происходит в здешних краях. Картинка не складывалась. Или, вернее, виделась как сквозь густой туман, едва угадываясь в белесой мгле. Вроде и фрагментов скопилось вдоволь, и ощущаю что-то интуитивно, а целиком охватить не могу. Словно бы поглупел невесть с чего. Или здешняя среда так воздействует?

А может, мой Зверь забрал надо мной слишком большую власть? Уж он никогда не отличался соображением. До сих пор-то мы ладили – я даже считал его укрощенным и спускал с цепи, когда это действительно требовалось. Но теперь его активность возросла в разы, и неизвестно, хватит ли у меня сил обуздать зверюгу, если тот разойдется на полную. И все равно в сравнении с новыми Хищниками он кажется недомерком.

Все же последние события вышибли меня из колеи, если я ощутил стороннее присутствие, лишь когда подо мной заколыхалась постель. Открыв глаза, увидел миниатюрную фигуру, осторожно ворочающуюся у меня в ногах, затем узнал Настю. На секунду показалось, что девочка решила устроиться со мной на ночлег, как это любил вытворять Хан, будучи щенком. Но она уселась на кровати в обычной позе, сложив по-турецки ноги, а руки скрестив на груди, и уставилась на меня, точно ворожея. Хотя и такое сближение вовсе не входило в мои планы. Она не Инесса, я не Леха – какие могут быть игры?

– Привет, – сказал настороженно. – Тебе чего?

– Поговорить, – ответила она.

Ну вот, решилась наконец!..

– А до утра это не подождет?

– Ведь ты все равно не спишь?

И впрямь, это – довод. Я хмыкнул:

– Бессоница? Стареешь, мать!.. Слушай, ты бы накинула чего.

– Да не холодно! – Она дернула плечом. – Туз ничего про меня не болтал?

– Ничего эдакого.

– Хотя и он мало знает... Я из Питомника.

Я не придумал ничего умнее, как буркнуть:

– Ну?

Опустив голову, будто пытаюсь рассмотреть свои белеющие в темноте подошвы, Настя молчала с минуту, затем выдавила:

– Все искала, кому рассказать...

– И нашла? – бросил я небрежно, уже ощутив любопытство.

Вскинув взгляд, она глянула прямо в лицо:

– Ты в Бога-то веришь? В настоящего, для всех людей.

Ну и вопросец! Услышать его сейчас, да еще от такой крохи...

– Как тебе сказать... Допускаю возможность – вряд ли больше. Нас так растили. И уж что выросло...

– А как же другие?

– Сам удивляюсь. Оказывается, вокруг столько верующих!.. Может, мы жили в разных государствах?

– А как с дьяволом? – снова спросила девочка.

– Что?

– В дьявола веришь?

– Тот же расклад. Пока не пощупаю...

– А вот я видела его! – тряхнув разросшимися локонами, заявила она. – Даже трогала. Не веришь?

– Ну вот, опять, – усмехнулся я. – Хорошо уже, что не отрицаю. В жизни случаются чудеса, однако очень редко, иначе б их звали по-другому... Ты рассказывай!

И она, запинаясь, поведала мне такое, что еще пару недель назад я счел бы бредом – при всей своей декларируемой непредвзятости. Вкратце: в нашем городском детдоме – образцовом и показательном, если глядеть со стороны, – вращивали супербойцов. Причем без всяких технических ухищрений, на одном психовоздействии. Якобы это высвобождало в детках небывалую мощь, превращало их в совершенные механизмы, к тому ж отлично настроенные. И заправлял там молодой директор, прославившийся на всю губернию... даже, пожалуй, на страну... какими-то прогрессивными методиками.

Ей-богу, это уже становится нормой. Хотел бы я знать, есть ли среди «заслуженных» детолюбов хоть один со здоровой психикой? Как там, у Стругацких: «Ребенку не нужен хороший отец. Ему нужен хороший учитель». Истина, казавшаяся непреложной, пока верилось в коммунизм. Но где ж взять столько хороших? Отцов ли, учителей... Даже с матерями проблема – сами ломаные и детей калечат. Зачем тогда заводить? Впрочем, Калида, к примеру, не спрашивал о желании.

И тут в голову пришла мысль, от которой я поморщился. Чего не терплю, это долгоиграющих сериалов, когда из пальца высасываются сюжетные ходы, плохо стыкующиеся с заявленными характерами. Хотя понимаю, что при тамошней тесноте не развернуться, – вот и приходится опутывать персонажи все новыми нитями, образуя немислимые сплетения. Похоже, в малом городе та же проблема: кого ни выдернешь из толпы, потянется такое корневище!..

– Настена, – спросил, – а ты помнишь свою мать?

Она покачала головой.

– Но кто-то же навещал тебя в Питомнике?

– Да приходила одна тетенька... Давно.

– Молодая, красивая?

– Ну, наверно, – пожала девочка плечами.

Конечно, у нас разные системы отсчета. Она себя-то не знает, куда отнести: к детям ли, ко взрослым, – а я для нее и вовсе посланник «старины глубокой», сродни бессмертному Мак-Лауду.

– Худощавая, бледная? – еще спросил я, хотя проще было показать запись. Но делать этого не хотелось: то ли ее боялся растревожить, то ли себя. К тому ж почти все дочери Калиды похожи друг на друга, а с последнего визита прошел, видимо, не один год – для Насти целая вечность. Может, лучше вообще не соваться? Пусть течет, как течет... лишь бы опять не вмешался Бог.

– Не помню, – каким-то не своим, жалобным голосом ответила Настя. – Высокая, ласковая... Так ведь я сама тогда... под стол пешком.

– Ну, вспомнить не проблема! Сеанс гипноза – и всё на блюде.

– Да зачем? – прежним тоном сказала она. – Вспоминать еще!.. Даже если мать – так и что? Я взрослая.

Это, конечно, бравада, но сейчас Настю и впрямь больше заботит иное – уж настолько я понимаю женщин и детей.

– Чего ты боишься? – подтолкнул я.

И девочка сразу ответила, даже будто с облегчением:

– Что меня ищут. Ну эти, из питомника... Из-за меня Колоду могут так тряхнуть, что у ползунов зубы полетят. А то и головы.

– Черт, – пробормотал я, – мало им проблем. – И предложил: – Может, тебя в темницу упрятать, чтоб не мозолила глаза чужакам?

Неуверенно Настена pokrивила губы, обозначая улыбку.

– Хотя сейчас столько бесхозных детей! Авось не распознают издали.

– Так ты не выгонишь меня?

Куда: на улицу, под землю, обратно в Питомник?

– Я что, похож на мерзавца?

– Н-нет...

Фыркнув, я подтянул ноги и уселся на своем участке постели, соорудив из подушек подобие кресла.

– Может, и похож, – ответил себе. – Может, я хочу ловить бывших твоих хозяев на живца. А заодно вызнать больше о Питомнике. И эксплуатировать детский труд. Устраивает тебя такая сделка?

Опять не разобравшись, что тут всерьез, Настя решила подыграть:

– Взвесить надо.

– Вот-вот, – подхватил я, – взвесь. Заодно с Лехой потолкуй, с Инессой переговори... Одно дело гостевать у чужого дяди, другое – вкалывать на него. Тут без договора не обойтись. Права, обязанности, гарантии. Опять же комнату тебе выдели, учебу организуй, тренировки, прочее...

Постепенно из позы Насти уходило напряжение. Затем и защитный узел перед ее грудью распался, освобожденные руки легли на колени.

– А как же Леха? – спросила она.

Вот, потянулась цепочка!..

– Он тебе вроде родича, так? Можешь привечать в своей комнате, под свою ответственность.

– И на свою пайку, да?

– Ты взрослая, – напомнил. – Вот и прикинь, к чему его приспособить. Иждивенцы мне не нужны – сам лентяй. Это ясно?

Девочка серьезно кивнула.

– И еще, – сказал я. – Слышала про Синюю Бороду? Главные беды случались там, когда совались в запретную дверь. И лучше тебе не заступать на чужую территорию – не то как посыплется скелеты из шкафов!.. А когда затевают возню за спиной, я делаюсь подозрительным и угрюмым.

Если я пытался Настену напугать, вряд ли преуспел, судя по ее безразличному лицу. А уходить девочка не спешила, будто ждала от меня еще чего-то. И чего ж, интересно?

Вскинувшись с постели, я прошел к окну, распахнул его настежь. В спальню волной хлынули прибрежные ароматы, и будто придвинулся прибой, заполнив комнату рокотом. Сев на подоконник, я оглядел море, взбудораженное свежим ветром, и небо, затянутое бурлящей пеленой. Подходящая погодка для диверсий. Вспомнив «демона», показанного Калидой, я поежился. А если и в Заштите? Пожалуй, такого не собьешь пулеметом – требуется бластер. Новый виток в гонке вооружений.

Настя тоже перебралась в проем, прислонясь спиной к боковине. Без особого интереса поглядела вниз, где, у подножия скалы, плескались волны. Теперь она и вовсе держала себя свободно, словно бы с Лехой. Экая распущенность... как у цветка.

– А моих родичей сможешь сыскать? – спросила тихо. – Ну, если это не очень сложно.

Вот вам – женская непоследовательность!

– Зачем тебе?хлопот с ними не оберешься, еще и старые долги навесят. Друзья надежной – если повезет на них.

– А если нет?

Вопрос стоящий – я даже оживился.

– А вот тут интересней причины. То ли не встретилось достойных, то ли сам не стоишь преданности. Вообще дружба – большая редкость; поэтому многие тут кормятся иллюзиями. А после удивляются, откуда изжога. И ударяются в иную веру, и снова травятся. Такой характер, значит и судьба такая. Упаси бог от подобной наследственности! По мне, лучше жить одному.

– Но и тебе же нужны близкие?

– Друзья – да. Любимая... Но не суррогат.

– Может, и я на что сгожусь? – спросила девочка.

А теперь я не понял: то ли это шутка, то ли цитата из популярного некогда фильма. Который она вряд ли смотрела – за давностью.

– «Let's come together, – сказал я, засмеявшись. – Right now, in sweet harmony».

На сей раз Настя улыбнулась по-настоящему – дождался наконец. Зубы у нее оказались как на рекламе – верно, и костяк прочный. А сложение, рефлексы я уже оценил: благодатный материал для хорошего тренера.

– Но right now лучше иди спать, – прибавил я. – Леха, поди, с ума сходит.

Настя скользнула мимо меня, по пути неумело ткнувшись сухими губами в щеку, и растворилась в дверном проеме. А я остался восседать на окне, рассеянно озирая окрестности. Это в каком же качестве меня облобызали? Наверно, опять с кем-то спутали. Ладно, ерунда!..

А вот как быть с Настеной? По закону подлости могут подтвердиться худшие подозрения, и тогда всплывет Голова. Ничего себе, подарочек для сироты! Поди докажи ей, что от такого папеньки-деда, усеченного до лучшей своей части, пользы больше... во всяком случае, вреда уж точно меньше. Такое испытание редкая дружба выдержит, а мы ведь и не друзья. Не обернется ли Настя опять тигренком?

Со вздохом сожаления я закрыл окно, даже задернул наглухо шторы и вновь развалился на кровати. Вот на виду лучше не маячить – сейчас, когда я в состоянии войны с неведомыми врагами. Бог знает, откуда могут дотянуться до меня – с их-то оснасткой. Неплохо бы заслонить окна голографическими миражами, хотя дорогое это удовольствие.

Кошачьим призраком явился Пират, поглядел на меня с неодобрением. Затем задумчиво воззрился на портьеру. Схлопотав несколько взбучек, котенок больше не пытался карабкаться по мне, путая, верно, с деревом, а вот по шторам взбирался охотно. Правда, потом принимался орать, требуя, чтобы его сняли. Такая, понимаешь, противоречивая натура.

– Изыди, – сказал я. – Мало тебе других жертв?

Пират и ухом не повел, будто обращались не к нему. Позавидуешь такому нахальству. Уже на второй день после заселения он ощущал себя господином, а остальных принимал, видимо, за обслуживающий персонал. Но со мной такие фокусы не проходят.

– Брысь! – велел я, и теперь до него дошло.

Впрочем, удалился Пират с достоинством.

После Надиных откровений мне совершенно расхотелось спать, хотя ждать новых гостей вряд ли стоило. Похоже, они не балуют хозяев частыми посещениями – то есть не больше визита за ночь. Но обсудить эти дела хотелось, а потому, невзирая на поздний час, я послал вызов одному из своих знакомых. В самом деле, почему другие должны спать, если я бодрствую?

Сперва я увидал на экране громадное ухо, и хриплый со сна голос прошептал в самый микрофон:

– Капитан Нестеров у аппарата.

– «Взгляни ж на меня», капитан! – затребовал я тоже шепотом. – На фига мне твоя раковина?

На том конце линии тихо чертыхнулись, ухо отодвинулось. По дисплею замелькали темные углы и стены, увешанные дребеденью, быстро прошлепали ноги, скрипнула дверь. Затем вспыхнул свет, и я узнал комнату, где меня принимали совсем недавно. Что ж, студентке Гале, новой хозяйке дома, теперь не страшно в чужом городе. Быстро же они сошлись! Вот в наше время... бывало и быстрее, да. Впрочем, Матвей мог остаться у соседки в ту же ночь.

– А-а, эт-ты, – пробурчал он, разглядев меня. – И сам собирался тебе звонить. Тут, понимаешь, такое деется!..

– Неужто опять чьи-то причиндалы скрутили в бантик?

– Да это-то ладно...

Хмыкнув, я спросил:

– Хочешь совет – для затравки?

– Ну?

– Не спи ночью, тем более с открытыми окнами.

– А че такое?

– Простудишься.

– В такую жару?

– Капитан, ты придуриваешься? Не переусердствуй, а то как войдешь в роль...

Помолчав, Матвей напомнил:

– Так у меня ж псы?

– Ты еще канареек заведи!

– А-а... да.

– Гляжу, место дислокации ты сменил...

С некоторым смущением он обозрел помещение, почесал грудь.

– Что, цыплят любишь?

– В каком смысле?

– Да в том самом.

С минуту подумав, Матвей сообразил.

– Вообще Галя славная, – сказал он. – Бестолковая малость... Так откуда ж в них толк?

– Смотри, не обижай. А то вдруг Мстительница вернется? Посмотрю тогда на твоих псов!

– Других пугай, – обиделся сыскарь. – У нас с Галей всё по-доброму. Глядишь, и ячейку создадим.

– Думаешь, обезопасит? Тут ведь не на штампы глядят, а в корень. Вот его – береги.

– Ладно-ладно, – проворчал он. – За этим и позвонил среди ночи?

– Я-то хоть звоню, а вот ко мне – являются. Плохо бережете, копы, приходится самим отбрыкиваться. Что ж это вы?

– А мы не сторожевики, чтобы беречь, – вот к ним и обращайся. За хорошую мзду они даже бандитов готовы охранять.

– Ага, «сами калечат, сами лечат». Не они ли засылают убийц, чтоб заработать на охране?

– Ну, это ты хватил!

– Голову даешь на отсечение? – спросил я. – Кстати, наблюдал вчера, как одного копа поймали на горячем. Что, и у вас завелась внутренняя полиция?

– Вроде идет перетасовка, – пожал Матвей плечами. – Причем на всех уровнях. Кого понижают, кого вовсе выкидывают. А сверху спускают новых – они-то и роют землю.

- За сыскарей-то еще не взялись?
- Да наша группа пока держится. Старшой у нас – мужик с понятием, от начальства умеет отбрыкаться. А может, побаиваются его. Вообще майор не любит крика, но под горячую руку ему лучше не попадать.
- Как фамилия?
- Майора? Шилов.
- А сколько в вашем ведомстве отделов?
- Погоди, дай соображу... Одиннадцать, по-моему. Или двенадцать? Да, точно – дюжина!
- А в каждом – по дюжине активистов, не считая балласта. Опять та же схема!.. Или это мода?
- Слушай, Мазай...
- Матвей.
- Это все равно. Как у вас дела движутся: впрямь кого-то отлавливаете или видимость создаете?
- Ловим-то будь здоров сколько! Другое дело, что меньше не становится.
- А вы прижигайте обрубки, – посоветовал я.
- Как это?
- Как у Лернейской Гидры. Помнишь сказку про Геракла?
- А-а... Шутить изволишь?
- Не уверен. Что вы делаете с задержанными?
- Как и положено: сдаем.
- Поштучно или на вес? Впрочем, не важно... А дальнейшую судьбу их отслеживаете?
- На фига?
- Если ваш улов вправду неплох, то куда деваются эти уроды? Ни шумных процессов, ни победных реляций, ни освещений в mass media... Вдруг их отпускают обратно? Эдакий кругооборот отморозков в губернии.
- Что ты лепишь? – даже оскорбился Матвей. – Да кому ж надо такое!..
- Вот и я думаю: кому? Или их не выпускают, а...
- Ну, что?
- ... скажем, перековывают.
- В тюрьге?
- Разве ж она безразмерная? И каторги окрест не видать – если не считать Лагеря. Но там обитают коммунары, божьи люди...
- Слушай, Род, куда ты клонишь – не пойму что-то.
- Сам еще не понял, – признался я. – Ладно, спасибо за сведения – спи дальше. Но лучше отсыпайся после рассвета.
- А работать когда?
- Ночью, капитан, ночью. Бери пример со старших. А не успеваешь высыпаться, переходи на полставки... тем более, толку от вашей суеты – чуть. Привет цыпленку!
- Хотя правильной назвать Галю синичкой, подумал я, уже оборвав связь. Той, что в руке. И Матвей ее заполучил. Может, он и прав.
- Наверное, по контрасту вспомнилась Ника из дома на набережной, и я опять подумал: таких людей не бывает. Не девушка – картинка. Ей-богу, как нарисованная – не видел бы сам, не поверил бы. Еще и поет, причем замечательно. А водит как!.. О прочих достоинствах не знаю, но подозреваю, что самым въедливым искателям изъязнов тут нечем поживиться. Слишком она хороша – во всем. Не от мира сего, вот именно. А от какого?

Кажется, у меня снова заныло горло. И ступни вдруг стали мерзнуть – это летом!.. Уж не подхватил ли я простуду от Гая? Ну да, через эфир... Или я попросту *слышу* его ощущения? Тогда это надолго.

Я усмехнулся: вот и оправдание, чтобы ничего не делать. Пожалуй, опять придется выдавливать из себя дурь в тренаж-зале – проверенное средство, до сих пор меня не подводившее. Но сперва надо найти подход к Компании, чьи посланцы зачастили по мою душу. И самый надежный путь – окружной. А кто теснее завязан на Компанию? Коммунары, да... Значит, нам дорога в Лагерь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.